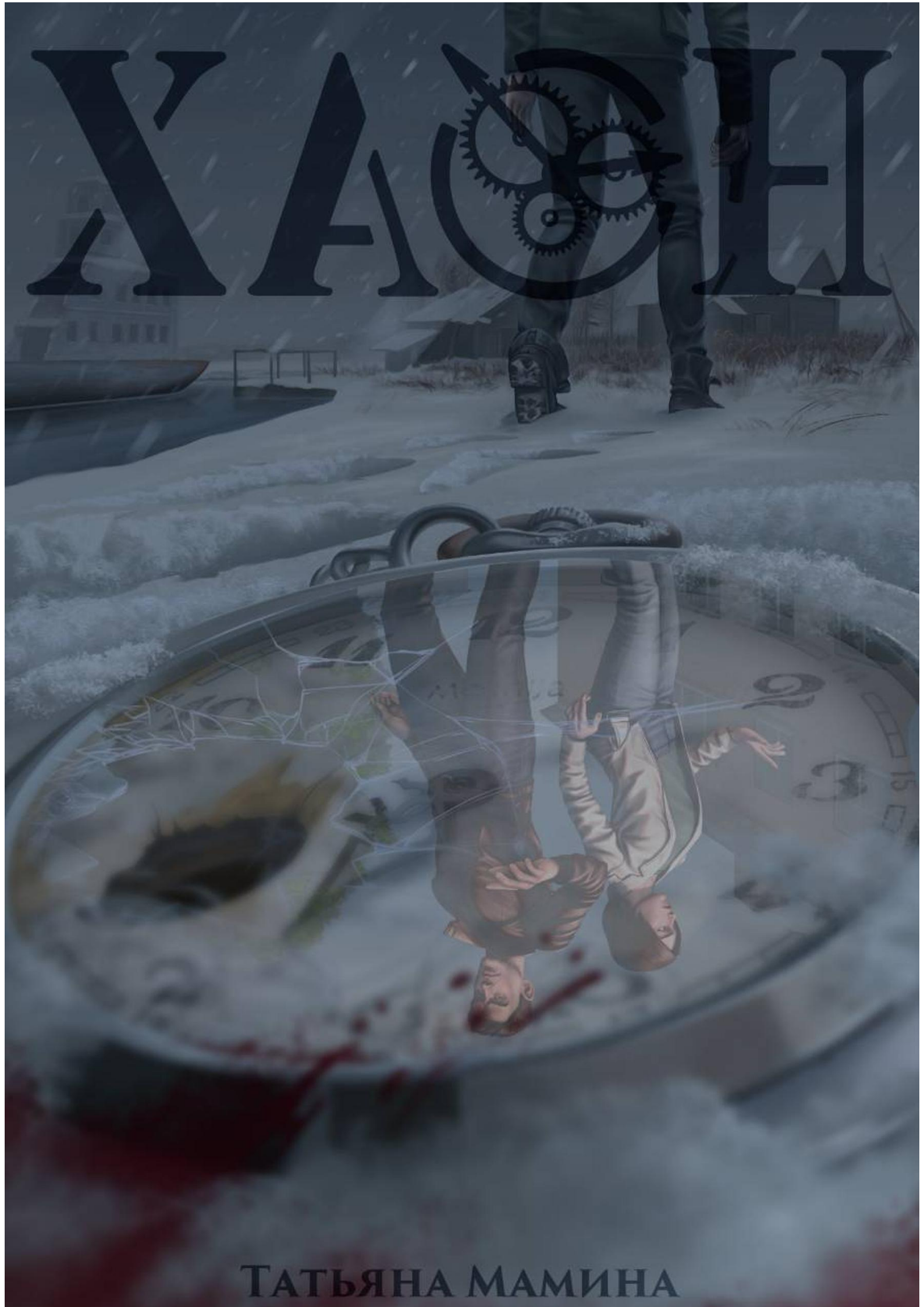


ХАФЫ



ТАТЬЯНА МАМИНА

Татъяна Мамина

Хаон

«Автор»

2026

Мамина Т.

Хаон / Т. Мамина — «Автор», 2026

Глубоко, под толщей темных вод, покоится старый город, затопленный десятилетия назад. Время там остановилось навсегда, а его тайны погребены вместе с ним. Туристы приезжают увидеть собственными глазами руины, напоминающие безмолвных призраков прошлого, застывших над гладью озера. В один из осенних дней случается страшная катастрофа — во время шторма тонет теплоход, унося с собой множество жизней. Этот трагический случай запускает череду странных событий, в которые оказываются втянуты Лика и Роман, прибывшие в отстроенный на берегах озера городок Чернозерск. Для каждого из них время приготовило свои испытания.

© Мамина Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I	5
I. Роман. День катастрофы	6
II. Лика. Лихорадка	10
III. Лика. Бесконечный день	13
IV. Лика. Застывшее время	19
V. Лика. Ключевое событие	24
VI. Лика. Больница	30
VII. Роман. Долгий путь	36
VIII. Лика. Нежданная встреча	41
IX. Лика. Маленький гость	47
X. Роман. Город	52
XI. Лика. Особенная ночь	57
XII. Лика. Решимость	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Татьяна Мамина

Хаон

Часть I

Ловушка времени

I. Роман. День катастрофы

Ничего не предвещало беды. Небо над озером в тот день казалось по-летнему синим и бездонным. Солнечные блики искрами скользили по воде, и ветер едва тревожил листву.

Октябрь в этих местах сулил приход настоящих ураганов. На просторах огромного водохранилища подобное представляло немалую опасность, но нам повезло, и погода уже несколько дней стояла отличная.

Я с неподдельным любопытством наблюдал, как наш автобус подъезжал к базе отдыха. Из-за высоких елей не угадывалось и намека на близлежащий город. Вдоль пологого берега на небольшом расстоянии друг от друга стояли потемневшие от времени деревянные домики.

Путь из Петербурга выдался нелегким, и очень хотелось наконец выбраться из салона и немного пройтись. Стоило водителю немного замедлить движение, как дети вскочили со своих мест и принялись одеваться. Похоже, не я один успел отсидеть ноги.

Карина вывела оба класса на площадку перед плетеной калиткой и уже повела к административному зданию получать ключи, когда я ступил на сухой гравий. Воздух разительно отличался от городского. Остро ощущался запах травы, смолы и тины. Солнце припекало открытые участки кожи.

У самой кромки воды я заметил Лику. Девушка вглядывалась в пейзаж, словно стараясь как можно лучше запомнить. На ее задумчивом бледном лице виднелись яркие красные пятна на скулах. Стоило позже предупредить об этом Карину.

Я закинул через плечо рюкзак и решил пройтись до места стоянки теплоходов. Их можно было без труда разглядеть даже с дороги. Чем быстрее управлюсь со школьными делами, тем скорее приступлю к поискам в городе.

На пирсе сразу возникла проблема: первые два капитана с самыми большими теплоходами отказались везти детей так далеко от берега.

— Молодой человек, вы, должно быть, шутите! — Рыжий мужчина огромного роста нервно оглянулся на озеро. — Не смотрите, что сейчас все спокойно, минута — и может налететь такой ветер, что вам и не снилось. Могу покатаť вас вдоль берега, но никаких островов.

— Именно, — кивнул второй капитан. — Зря вы так упрямитесь. Вот приедете сюда будущим летом и посмотрите ваши руины, никуда не денутся!

— Я отведу. — К нам подошел крепкий седой мужчина с обветренным лицом и густыми, как у филина, бровями.

— Слушай, не лез бы ты, Гера! — огрызнулся Рыжий. — Сам ведь все знаешь. Мы не просто так сезон договорились смирно досиживать. Не любит озеро шибко смелых. И осени не любит.

— Меня зато любит, — спокойно возразил Георгий. — Я подле него еще со времен Вермы жил и неплохо выучил. Могу и покатаť ребят вдоль берега.

— И вот вечно ты никого не слушаешь! — крикнули с соседнего теплохода.

Назревал конфликт. Мне бы, может, и хотелось еще немного послушать об озере, но тогда Георгия могли отговорить везти нас.

— Спасибо вам. — Я протянул руку и дождался крепкого пожатия. — Сейчас схожу за ребятами, и можем отправляться!

Спустя полчаса шестиклашки заполнили весь пирс пестрой гурьбой. Под удивленные возгласы детей и недовольные окрики местных капитан показал нам теплоход. Хотя его судно выглядело куда меньше и старше других, но вполне нам подходило.

Белые с голубыми полосами борта «Зари» тут и там пестрели пятнами ржавчины и облупившейся краски, но выглядели крепкими. Мест и спасательных жилетов хватало всем.

Капитан на вопросы ребят хмурил седые брови, но отвечал коротко и четко. Правда, его манера то и дело ставить нас перед фактом, не давая выбора, несколько раздражала. Он сам решал, что и как мы будем осматривать на озере. На мои просьбы подвезти нас поближе к тем или иным руинам на островах, Георгий категорично мотал головой.

И все же нам довольно быстро удалось составить оптимальный маршрут: мы решили пройти километров десять в сторону полуразрушенной колокольни и пары хорошо сохранившихся каменных домов. Со всеми остановками и перерывами подобная экскурсия занимала примерно три часа. Как раз хватало времени на фотографии и историческую справку.

Я прислонился к ограде на корме и вгляделся в темную гладь. Мне было любопытно, возможно ли под толщей воды увидеть затопленные улицы города. Немного наивно, но о подобном писали в некоторых статьях.

На всем озере не было видно ни одной даже самой маленькой лодочки. Летом в Чернозерск еще навевались туристы, но к осени жизнь в городке замирала. Хранительница краеведческого музея возвращалась на работу в местный интернат, базу отдыха закрывали, а капитаны отправляли свои суда на зимовку. Я считал, что нам с Ликой крупно повезло застать всех на местах и уговорить встретить нас.

«Заря» плавно отошла от берега в окружении мелких волн. Во все стороны полетели брызги, приятно холодя кожу. В воздухе стоял густой аромат осени. Дети возбужденно шумели. Сопровождающим едва удалось рассадить их по местам в крытой части теплохода и заставить надеть жилеты.

Я внимательно разглядывал свой. Потертая рыжая ткань покрывала нечто, удивительно напоминавшее обычный пенопласт. Сальные ремешки скользили, не желая завязываться. Минут за двадцать всем кое-как удалось с ними справиться. Двое старшеклассников за это время успели ускользнуть и, присев у борта, попытались закурить. Мне самому пришлось отобрать у них сигареты и зажигалку, а затем отправить к остальной группе.

Карина глянула на нас, утомленно вздохнула и направилась к капитану. Дочь она оставила отдыхать в домике — у Лики резко поднялась температура. Я пообещал ей сделать много хороших фотографий, прежде чем девушка заснула.

Георгий хмуро вглядывался в горизонт, невпопад отвечая на вопросы кого-то из детей. Гид приступил к работе. Большую часть его рассказа я и без того хорошо знал. Мог даже многое добавить. Однако детям должно было вполне хватить и краткого пересказа событий полувековой давности, происходивших на этом самом месте. Мои же истории ждали нужного часа.

Показались первые острова. Ветер засвистел и погнал к берегу крупную зыбь, тяжелые облака то и дело заслоняли солнце. Вбаламученная вода стала серо-коричневой. Волнение усилилось. Я услышал, как за мной последовали, но не придавал особого значения.

— Роман Викторович? — за спиной раздался звонкий девичий голосок. — А я вас ищу!

— Да, Оля, — я оглянулся, подмечая далеко не походный вид девушки, — чем могу помочь тебе?

Стало интересно, не Карина ли Александровна отправила ко мне свою любимицу. Олю и ее младшего брата Костю учитель опекала почти как родных. Мне же всегда казалось неправильным так сильно сближаться с учениками.

Девушка подошла чуть ближе и заговорила. Половина слов терялась в порывах налетевшего ветра. Ограждение пронзительно скрипело.

Теплоход вдруг качнуло с такой силой, что я не устоял и рухнул на одно колено. Олю отбросило в сторону, и она испуганно вскрикнула, протянув ко мне руку. Я зажмурился, стараясь прийти в себя, но чувствовал только головокружение и растерянность.

Стоило подняться, как налетел новый порыв, и на одной из волн лодку накренило. Огромный поток бурой воды с грохотом лизнул палубу и отступил обратно. Едва удержавшись на

ногах и цепляясь за скользкий борт, я выпрямился и огляделся. Мокрая одежда липла к телу, в ботинках неприятно хлюпнуло.

С севера невероятно быстро приближался грозовой фронт. Массивные серые тучи расползались и сверкали короткими вспышками молний. Озеро буквально бурлило под нами, и среди волн я вдруг заметил яркое рыжее пятно.

Несколько мгновений я стоял и все никак не мог понять, что же это могло быть. А потом увидел копну светлых волос и ярко-голубой обруч. Голова опустела, а тело на секунду окаменело. Оля! Как я мог не подумать о ней?

Сам не понял, как оказался в воде. Она оплела меня коконом и сжала в ледяных тисках. Непослушное тело едва боролось с волнами. Я плыл, пытаюсь держать голову над водой, и все никак не мог отыскать взглядом девочку. Дыхание сковало, сложно стало сделать полный вдох. Жилет держал на поверхности, но волны снова и снова накрывали с головой. Появился страх: осязаемый, гнетущий.

Я прекрасно понимал, как сильно замерз, что вокруг только темная вода и пронзающий холод. В носу щипало, стучали зубы, и пальцы отказывались слушаться.

Кричать или просто звать Олю не получалось. Я мог только грести в том направлении, которое казалось верным. Раз или два сквозь волны показывался яркий жилет. В эти моменты сил будто прибавлялось, и я боролся отчаяннее.

Наконец окоченевшие пальцы коснулись твердого предмета, а затем соскользнули. Ослабшая девушка не открывала глаз и едва шевелила ногами, стараясь грести. Нас накрыл ливень. Небо и вода слились. Я был относительно спокоен, но Оля, которую я успел подхватить, испугалась куда сильнее. Кое-как я продел руку в рукав ее жилета и принялся бить всеми конечностями по воде. Мы начали плыть. Нужно было несмотря ни на что, бороться с паникой, не обращая внимания на судороги.

Видимость стремилась к нулевой. Я попытался, как мог, оттолкнуться руками от поверхности воды и осмотреться, но результата почти не было. Возвращаться к теплоходу не имело смысла — волны отнесли нас так далеко, что никак не удавалось его даже увидеть. Что бы ни происходило, оставалось только двигаться вперед.



II. Ли́ка. Лихора́дка

О катастрофе мне сообщили к ночи. Лихорадка еще сковывала движения и мысли. Значение страшных слов сначала просто прошло мимо сознания. Пожилой мужчина почти по слогам повторил дважды:

— Теплоход попал в шторм. Идут спасательные работы. Придется ждать утра.

Я не могла поднять взгляд, отвести его от крохотного пятнышка над порогом. Мужчина в дождевике все продолжал говорить, но я не слышала. Перед глазами стояло мамино лицо. Я буквально видела аккуратно собранные на затылке светлые волосы, прямое платье с квадратным вырезом, неяркое и однотонное, как она любила, нежную полуулыбку и очки с тонкой прямоугольной оправой.

Сочувственная речь не имела никакого смысла. Не могла иметь. Мы ведь только утром приехали на экскурсию в тот самый Чернозерск, куда я так давно хотела попасть. Мама стояла прямо здесь всего пару часов назад, пока жар не успел меня совсем одолеть. Все не могло измениться так быстро!

Пропуская мимо ушей слова людей, что толпились на крыльце, я старалась успокоить гулкие удары сердца. Пришлось до боли сжать пальцами медную дверную ручку, чтобы немного прийти в себя. Узор буквально впечатывался в ладонь.

Мужчина, очевидно заметив мой взгляд, начал задавать вопросы. Я кивала, так и не способная отпустить ручку, отчаянно желая потянуть ее на себя, словно, если закрыть дверь, люди за ней исчезнут.

Казалось, мама и Роман увели ребят к озеру не так давно. Правда, с тех пор на стенах дома успели зажечься черные кованые фонари. Они скрипели, раскачиваясь на ветру.

Дождевики на людях, бродивших по территории базы, громко хлопали о ноги. Кроны деревьев шуршали и гнулись, а сизые тучи проносились над головой бесконечным потоком. За длинным деревянным пирсом бурлило под порывами штормового ветра огромное черное озеро.

Слишком много прошло времени прежде, чем мне удалось остаться одной. Шатаясь, я поднялась на второй этаж домика, снова приняла лекарства и легла. Бревенчатый потолок расплывался перед глазами. Боли не было. Только странная опустошенность.

Колючий свитер сдавливал горло. Я плотнее зарылась в одеяло, стуча зубами и трясясь. Я осталась совершенно одна в пустом доме на опустевшей турбазе.

В голове крутился и крутился наш с мамой последний разговор. Теперь каждая деталь обретала особенное значение.

— Ого, а прогноз на завтра сильно испортился! — Я оторвала взгляд от телефона. — Обещают дожди и порывистый ветер. Экскурсию не отменят, как думаешь?

— Говорят, после потепления всегда так. — Мама пожала плечами. — Твой отец рассказывал, что в Чернозерске ветрено всегда. Значит, нет ничего необычного. Не переживай, Ли́ка, если что, найдем чем заняться. У тебя все равно свои планы.

— Можем реализовать их вместе. — Я решила снова попытать счастья. — Поищем те места, которые папа рисовал, может, даже сможем найти его дом!

— Ли́ка, ну не наседай. Я не хочу больше жить в прошлом. И тебе не советую, кстати. — Она вздохнула. — Ладно. Может, даже успеем сегодня найти теплоход. До заката ведь полно времени. Занесем вещи в домики и пойдем поспрашиваем у капитанов. Первый гид нас уже на базе дожидается.

— Хорошо. Как скажешь. — Я повернулась к окну. — Но подумай, пожалуйста, об этом еще.

Мы отъезжали все дальше в пригород. Дорога оставалась ровной, но редкие ямы становились ощутимее. Обочины тонули в дымке тумана. Утро едва наступило, и солнце окрасило горизонт малиновым цветом. Школьники на задних сидениях уже снова мирно спали.

Даже не верилось, что такую длительную экскурсию удалось организовать достаточно быстро. Мамин коллега Роман, преподававший историю, давно и сильно увлекался изучением старого города под озером — он мог часами рассказывать о его постройках и жителях. И меня Верма поразила с первого взгляда.

Именно там когда-то жили родители моего отца. Около пятидесяти лет назад их переселили в отстроенный неподалеку Чернозерск, а сам старый город затопили при строительстве ГЭС. Однако отец будто своими глазами видел Верму и часто ее рисовал.

Уже после папиной смерти нашлись его ранние работы, спрятанные глубоко на антресоли. Я проводила целые дни, разглядывая их. Позже, поступив в тот же институт, что и отец, я стала старательно перерисовывать их, мечтая однажды увидеть те пейзажи своими глазами.

Большую часть пути я дремала, пока радостно не защебетали школьники, заметившие синий дорожный знак с потертыми белыми буквами. Мы въехали в Чернозерск. Телефон в руках моргнул синим и выключился.

На страницах рекламного сайта база отдыха выглядела уютной, хоть и не новой: двухэтажные деревянные домики, огороженные плетеным забором, круглые беседки у темных вод озера, видневшегося от них в паре метров. Реальность оказалась несколько более прозаичной.

По плану нам предстояло заселиться на базу отдыха до двух часов, перекусить и отправиться в город, затем встретить там гида и осмотреться. Чернозерск не славился ни архитектурой, ни памятниками. Он появился на карте в тот год, когда полвека назад решили затопить Верму.

Тогда же появился краевой музей и центральная библиотека. Их буквально по кирпичикам переносили из старого города, воссоздавая на новом месте. Позже для работников будущей электростанции построили больницу, школу-интернат на самой окраине и совершенно безликую гостиницу. У нее даже собственного названия не было.

Нет, все это не шло ни в какое сравнение с потерянной Вермой. Я не сомневалась ни минуты, когда Роман предложил присоединиться к школьной поездке. Словно так распорядилась судьба. Даже мама не смогла с этим спорить.

Мы вышли из автобуса недалеко от деревянного причала. Дети тут же разбежались выбирать себе лучшие комнаты, разбиваясь на группы по три-четыре человека. Я же отправилась напрямик к берегу. Сердце замирало в странном предвкушении, будто меня ожидал старый знакомый.

Помню, как кровь прилила к лицу и дыхание сперло от увиденного. Я глядела на ожившую папину картину и чувствовала, будто он сам стоит где-то за моей спиной и улыбается.

— Дочь, ты чего тут? — Мама положила руку мне на лоб. — Роман сказал, что ты неважно выглядишь. Похоже, он прав, голова горячая! Пойдем в дом, приляжешь. Успеешь еще насмотреться.

— Смотри, какая красота! — Я кивнула в сторону полузатопленных руин. — Помнишь эту картину? Кажется, будто папа рядом.

— Прекращай. Его больше нет. — Она развернулась и двинулась обратно.

— Это просто ты хочешь поскорее его забыть! — вырвалось у меня.

Мама вздрогнула, но не обернулась.

Позже я, разумеется, пожалела об этих словах.



III. Лица. Бесконечный день

С момента катастрофы прошли три недели. Мама все не приходила в себя, лежа в холодной палате местной больницы. Я осталась с ней в городе.

Первые дни почти стерлись из памяти, оставив за собой только горькие, мрачные осколки событий и чувство растерянности. Следующие все больше походили один на другой: тот же серый город, мелкая морось и завывающий ветер.

Очередным хмурым утром я проснулась в полном смятении. Сначала долго не могла понять его причину, а потом вдруг вспомнила. И захотела снова провалиться в сон.

Только начинало светать, но в гостиничном номере уже сделалось слишком душно. Свет проникал сквозь тюлевые занавески и окрашивал выцветшие обои розовыми тонами. Голову с трудом удалось оторвать от подушки.

Учебу пришлось оставить, как и другие планы. Врачи не давали никаких прогнозов, даже не хотели строить предположений о мамином состоянии. Больше у меня не осталось никого. Звонки дальних родственников и не очень близких друзей становились все реже. Мне все сильнее не хватало отца. Он бы точно знал, что нужно делать.

В первую очередь следовало подняться с кровати и привести себя в порядок. Общий душ на втором этаже гостиницы принес мало радости. Гудели прохудившиеся трубы. Резкий запах сырого железа ударил в нос, стоило только открыть кран.

Чуть теплой воде удалось, однако, смыть остатки неприятного сна. Я видела его не в первый раз и все не могла уловить суть: вместо событий и образов он оставлял только стойкое ощущение чего-то неправильного. И все же отчего-то вспомнить детали казалось важным.

Накинув грубое вафельное полотенце, я выбралась из душевой. В темном коридоре пахло сыростью и пылью. Неотличимые друг от друга двери без табличек и номеров стояли закрытыми, хотя постояльцев, кроме меня, почти не осталось.

После трагедии базу отдыха опечатали, и большинство приехавших в город родителей, как и меня, разместили в старой гостинице. Той самой — вытянутой и безликой.

Доставшуюся мне комнату я так и не научилась называть своей. Разве что одну деталь я смогла привнести. Я коснулась дверного косяка и слегка отшатнулась. Странно. Буквально вчера мне попала на глаза одна из подаренных Костей наклеек из его любимой «Алисы в Стране чудес», и я решила отменить ею дверь. Когда-то такую же он прилепил на угол зеркала в коридоре у меня дома.

Я опустила руку в карман джинсов и с какой-то тяжелой растерянностью нащупала там глянцевый край картинки. Должно быть, мне только показалось, что я успела приклеить ее.

Я выбрала новое место и аккуратно прилепила наклейку. Теперь очень важный и деловой кролик снова смотрел на меня красными глазками с дверного косяка.

Завибрировавший вдруг телефон заставил вздрогнуть. Неужели появилась связь?

— Привет! — из трубки раздался тихий мальчишеский голос. — Ты как?

— Здравствуй, Кость. — Я невольно улыбнулась. — Только о тебе подумала. Тут все без изменений. Совсем. А ты там держись?

— Стараюсь. — Он замаялся. — Может, я к тебе приеду? Тяжело же одной застрять.

— И как ты себе это представляешь? — Я прижала телефон ухом к плечу и стала складывать в сумку самое необходимое. — Что скажешь в школе? А родителям? Не выдумывай, пожалуйста.

Мне вдруг вспомнилось, как самой приходилось слышать те же слова. Стало смешно и немного грустно.

— Вот не надо о них! Сама же знаешь... — Звук Костиного голоса в трубке стал растягиваться и смешиваться с громким шуршанием. — Ладно, держись там! Я что-нибудь придумаю.

Весь разговор казался каким-то механическим, неживым, словно магнитофон зажевал старую пленку. И все равно услышать этого упрямого мальчишку оказалось крайне приятно.

Приближалось время ехать к маме в больницу. Единственный городской автобус прибывал к остановке четыре раза в день. Опоздать на него значило для меня застрять в душной гостинице еще на полдня. Лучше уж было поторопиться.

Больница и школа-интернат находились в отдалении от центра Чернозерска. Добираться по холмистой местности жителям приходилось долго и тяжело. По словам знакомых теперь медсестер, пару лет назад городская администрация наконец обзавелась автобусом, пусть стареньким и небольшим.

Расписание я выучила после того, как однажды задержалась у мамы и пропустила рейс. Уличных фонарей в Чернозерске почти не было, и узкую обочину освещали только фары проезжавших время от времени машин. Когда наконец я добрела до гостиницы, стерев ноги в кровь, главная дверь оказалась заперта. С большим трудом мне удалось достучаться в окно до ночного администратора.

Из белесой пелены тумана над дорогой появился автобус. За столько дней каждый пассажир в нем уже казался давним знакомым. Необычное чувство, ведь другие жители Чернозерска проскальзывали мимо, как тени. Должно быть, все объяснялось тем, что большинство этих людей мне предстояло встретить позже — уже в белых халатах.

Больница кипела жизнью. Запах спирта и хлора почти сбивал с ног. Гроыхали по кафелю колесики штативов капельниц, звенели стеклянные бутылки, шаркали редкие пациенты. Все доносилось будто издалека. На мамином этаже стояла тишина. Соседние палаты скрывались от глаз за закрытыми дверями.

Все шло как обычно. До самого заката я сидела у больничной койки и читала вслух книгу, не разбирая текста. Мысли унеслись далеко.

Мне не разрешили перевезти маму в Петербург. Сказали, что любое перемещение может быть для нее опасно. Теперь оставалось только ждать и надеяться, что время и покой идут маминему здоровью на пользу.

Я время от времени отрывалась от чтения, в надежде уловить малейшее движение прохладной тонкой руки. Перемены в маминой внешности казались почти незаметными и заставляли усомниться, что все происходящее реально.

Знакомые часто говорили, что мы похожи: формой лица и бровей, острым носом и манерой опускать глаза, когда улыбаемся. Но вот наши характеры отличались разительно.

Я поправила подушку и пригляделась. Сейчас мамина кожа выглядела такой белой, что едва отличалась цветом от простыни. Черты стали острее и тоньше. Нет, мама совсем не выглядела спящей, как об этом говорили. Просто ненастоящей, искусно слепленной из воска.

После часа дня я спустилась в столовую за кружкой кофе и кусочком твердой как паркет запеканки. Персонал лениво бродил между столиками и обсуждал новости. Ничего важного от них узнать не удалось.

Из больницы я вышла с медсестрами, торопившимися на прибывающий вскоре автобус. Оставалось еще минут двадцать, но никто не хотел рисковать. Скользкие от опавших листьев ступени, однако, вынуждали всех притормаживать и внимательно смотреть под ноги.

Тогда-то я и заметила это. Движение воздуха над огромной лужей. Она простиралась от самого крыльца до побитого поребрика, отражая льющийся из окон свет. Над ней трепетало нечто похожее на плывущую по волнам медузу. Так летом над раскаленным асфальтом дрожит марево, искажая яркий пейзаж позади.

Ветер пустил по водной глади мелкую рябь, но она сглаживалась в том самом месте, над которым застыл мираж. Ноги словно примерзли к земле.

У края лужи стоял высокий молодой мужчина. Кажется, я ни разу не встречала его прежде. И как он не мерз на таком ветру? Сомневаюсь, что легкая темная куртка и простая рубашка могли его должным образом согреть. Я поежилась от одного его вида. Каштановые волосы падали на лицо, прикрывая удивительно светлые глаза, но, похоже, никак ему не мешали. Незнакомец задумчиво смотрел прямо на странный морок.

— Что это такое? Откуда-то идет газ? — Я подошла чуть ближе.

— Я так не думаю. — Он повернулся ко мне и с интересом оглядел. — Необычно выглядит, правда?

— Необычно? — Я попробовала взглянуть на морок под другим углом. — Это точно. Будто за замерзшим стеклом снег идет. Впервые вижу нечто подобное. Это какая-то игра света вроде отражения?

— Игра света? — произнес он, протягивая руку к миражу. — Больше похоже на ловушку.

— Интересное заявление. — Мне тоже захотелось попробовать прикоснуться. — И с какой же стороны этой ловушки мы находимся?

— Пока не уверен. Но очень хотел бы знать.

— Вот как? — Беседа становилась все более странной. — Скажите, вы работаете в больнице или...

Фраза оборвалась на полуслове. Внезапный порыв ветра сорвал с ветвей последнюю листву и швырнул прямо в лицо. Я прикрылась ладонью и сквозь пальцы увидела, как пожелтевшие листья пролетают сквозь незнакомца вместе с хлопьями снега. Ни одна прядь волос не шелохнулась, ни краешек одежды не дрогнул.

Мужчина впервые повернулся ко мне. Острые черты его лица показались откуда-то знакомыми. Не успела я об этом подумать, как незнакомец пропал. Морок исчез вместе с ним.

Я так и стояла бы посреди грязной лужи, растерянно моргая, если бы водитель подъехавшего автобуса не нажал на гудок. Мимо меня пробежала пара знакомых медсестер. Обдумывать произошедшее куда лучше в тепле и сухости, а не плетясь к гостинице вдоль разбитой дороги.

Водитель дождался, пока я поднимусь на вторую ступень, и закрыл двери. Он потер кончиками узловатых пальцев глаза и снова крепко схватился за руль. Похоже, день у него выдался не самый легкий.

Я прошла вглубь салона, едва не споткнувшись о сумку знакомой молодой медсестры. Ее желтый шарф выделялся среди темной одежды окружающих ярким солнечным зайчиком. Оставалось последнее незанятое место в самом конце у окна. На соседнем дремала пожилая санитарка. Я осторожно обошла ее и прижалась лбом к холодному стеклу.

Попытка прокрутить в памяти странную встречу ни к чему так и не привела, не затихающие разговоры в салоне порядочно отвлекали. В конце рабочего дня каждому хотелось поделиться новостями, проблемами, глупыми шутками, подслушанными у пациентов. Даже водителя втянули в беседу.

— Ты как, Павел Семенович? — спросил один врачей из примостившихся в первом ряду. — Зарплату хоть прибавили?

— Ага, догнали и еще раз прибавили, — хмыкнул водитель. — Денег в бюджете нет. Да и работы-то — четыре рейса. Вот нанялся ночью хлеб с завода возить. Хоть что-то.

— Ты бы поберег себя, что ли. Вон в мешки под глазами скоро впору картошку складывать. Дорога, вон, ни к черту. И погода опять портится: сегодня опять ветер обещали. На той неделе мне яблоню аж с корнем вырвало.

— Да что твоя яблоня! — возмутился кто-то. — Будто мало бед эти проклятые ветра натворили! В старые-то времена благодать осенью была, а теперь каждый год шторма да ненастье.

— Ну не совсем уж благодать, — протянул Павел Семенович. — Но ребятишек жалко, конечно! Два дня тогда помогал берег прочесывать.

— Георгий, конечно, натворил дел! — вздохнул врач. — И дернуло же его согласиться на ту экскурсию. Теперь, когда в себя прийти сможет...

Я достала наушники, включила тихую музыку и прикрыла глаза. На долю секунды мне вдруг показалось, что я совсем в другом автобусе: рядом сидит мама, а позади дремлют ее шестиклашки. За лесом поднималось по-летнему теплое солнце, а вся эта история с теплоходом просто привиделась мне в кошмаре. Увы, реальность вернулась слишком быстро и оказалась далека от грез.

На кочках автобус легонько встряхивало, но в основном мерное покачивание убаюкивало. Мы оказались в городском парке, напоминавшем скорее глухой лес, и ехать с многочисленными остановками оставалось около двадцати минут. Я не заметила, как задремала.

Утро застигло меня врасплох. Едва различимый за серыми тучами рассвет, золотистая пыль, кружащая в его редких лучах. Голые ветки рябины, то и дело стучащие по стеклу. Все это набило оскомину.

В теле ощущалась небывалая тяжесть. Кровать пронзительно скрипнула под моим весом, стоило чуть повернуться. Может, стоило разок просто остаться в номере? Все равно ничего не менялось. Только через силу удалось заставить себя встать.

На выходе из душа я вдруг обернулась. В дальнем конце коридора мигала лампочка. Вспыхивала она неравномерно, словно покачиваясь из стороны в сторону. Вот только светильник надежно крепился к стене. Рядом с ним виднелся силуэт. Я решилась подойти чуть ближе.

Прежде на этаже мне не встречался ни один постоялец. Но, возможно, ночью кто-то заселился? Приезжает же кто-нибудь в Чернозерск по делам, иначе зачем до лета держать целую гостиницу открытой и платить администраторам.

Я сделала несколько шагов и застыла столбом. Впереди отчетливо виднелся морок. Он скользил над потертым линолеумом, задевая лампу, отчего она то горела, то гасла.

У стены неподалеку стоял тот самый высокий незнакомец. Он рассматривал занимавший весь проход мираж внимательными серыми глазами. Стало значительно холоднее, и я обернула плечи полотенцем. Одежда неприятно липла к влажному телу и совсем не грела.

— Снова вы! Что вы здесь делаете?

— Наблюдаю. — Он обернулся и склонил голову набок. — Сегодня ты как-то изменилась.

— Я? — Мне стало даже смешно. — Вы говорите так, словно хорошо меня знаете. Вы живете в этой гостинице? Что вообще происходит и что это за штуки такие?

— К сожалению, сейчас ты меня еще не поймешь. — Он сделал шаг навстречу. — Скажи, ты уже начала замечать нестыковки?

— Думаю, стоит хотя бы попробовать мне объяснить.

— Попробую, конечно, но...

Он пропал раньше, чем смолкло в коридоре эхо его низкого голоса. Лампа под пыльным колпаком снова горела тускло и ровно.

Я сделала шаг назад. За ним еще один и еще — до тех пор, пока не уперлась спиной в стену и не сползла по ней на пол. Затем вдруг рассмеялась. Может, я где-то как следует приложила головой? Полумертвый город, пустая гостиница, миражи в воздухе.

А может, я уже умерла? Или до сих пор мечусь в горячке в комнатке на турбазе? Нет, слишком долгий и подробный получался сон.

Перед входом в комнату я замешкалась. На дверном косяке виднелась лишь облупившаяся краска. Наклейки не наблюдалось ни на одной из соседних дверей. Неужели уборщица? Должна же она приходить хоть время от времени. Хотелось бы верить.

Я потерла пальцами небольшой участок, но клея как будто и не было. Странная догадка пронзила меня почти болезненно. Рука сама потянулась в карман, и через секунду я извлекла

знакомую наклейку. Голову пронзила такая боль, что я покачнулась. Пришлось спешно присесть на кровать.

Уже уткнувшись лицом в грубую простыню, натянутую поверх полосатого матраса, я осознала вдруг, что опаздываю. Мысль ощущалась абсолютно чужеродно. Разве это сейчас важно? И все же она взяла верх.

Руки автоматически подхватили одежду со стула. Одеваться приходилось в невероятном темпе: было буквально слышно, как недовольно трещат джинсы и швы на шелковой кофте. Я попыталась остановиться, присесть или лечь, но сердце начинало колотиться так, будто вот перегреется и рванет. Голова опустела.

Следующим, что я запомнила, был подъезжавший к больнице автобус. Дальше снова громышающие стойки капельниц, шарканье пациентов и запах спирта. В обед буфетчица снова рассказывала мне историю о том, как появился местный автобус, и, так же как вчера, пролила часть кофейного напитка мне на руку.

Мама тоже не изменилась. Спутанные волосы разметались по подушке, словно я и не расчесывала их как следует вчера вечером. На тумбочке снова стояли увядшие гладиолусы, от которых я успела избавиться. Закладка в книге тоже никуда не продвинулась.

— Как же это? — пробормотала я под нос.

Каждый раз, стоило замереть и задуматься о происходящем, становилось невыносимо тошно, и чем дольше я удерживала странную мысль, тем хуже делались ощущения. В итоге я каждый раз сдавалась и подчинялась течению. Тогда руки и ноги начинали работать сами, а голова пустела.

Со странной смесью волнения и страха я ждала того момента, когда снова увижу незнакомца у крыльца. Он явно понимал, что со мной происходит. И вот наконец часы посещения подошли к концу, и люди вереницей потянулись в сторону остановки. Щелкали выключатели, слышались поспешные прощания. На улице сгущались сумерки.

Я едва могла сдерживать шаг на скользких ступенях и подняла глаза, только заметив край лужи.

Перед ней было пусто. Ни миража, ни незнакомца. Поднялся ветер, подхватил желтую листву и бросил прямо в лицо. В этот раз я была готова и просто заслонила ладонью. Больше ничего не произошло.

Я вышла из ступора, только увидев размахивающих шапками медсестер, и поспешила за ними. Выходит, не все события повторялись?

Двери сомкнулись за моей спиной. Место у окна пустовало. Я брела вдоль салона, прислушиваясь к знакомым разговорам. Новости, шутки, жалобы — ничего не изменилось. Павел Семенович упрекнул собеседника в стенаниях о яблоне, вспомнил недавнюю трагедию и направил автобус через парк.

Только сейчас я заметила, как усилились и участились порывы ветра. Он с шумом бился в окна, гнал вдоль дороги вихри сухой листвы и бросал их в небо, откуда они рассыпались дождем на асфальт. Вековые деревья кренились, высокая жухлая трава стелилась вдоль самой земли.

Разговоры в салоне постепенно смолкли. Пассажиры клевали носом, и даже бойкий Павел Семенович пару раз громко зевнул и потряс сидящей головой. И несмотря на чудовищное, давящее чувство неправильности происходящего, меня тоже клонило в сон. Веки, казалось, медленно наполнялись теплой водой и становились все тяжелее, дыхание непроизвольно замедлялось, и только в груди противно щемило.

На короткий миг я заметила за окном знакомый морок. Он выглядел реальным, как никогда прежде. Сквозь него проглядывалась заваленная снегом обочина дороги и метель. Мираж словно двигался вместе с нами. Я с трудом подняла руки и потерла глаза. Морок не пропал и никак не изменился. Сбоку послышалось тихое шуршание уже знакомого голоса:

— А теперь не вздумай засыпать!



IV. Лица. Застывшее время

Звук двигателя напоминал ленивое рычание зверя. В салоне никто не разговаривал. Никто не смеялся. Никто ни разу не кашлянул.

Хотелось повернуть голову и оглядеться, но тело не слушалось. Оно налилось остывающим свинцом и становилось только тяжелее. Моргать получалось реже и реже, все слаще казались короткие промежутки темноты, пока сквозь ресницы не проникало холодное свечение.

И все же короткая фраза незнакомца смогла сделать главное — поселить во мне страх. Он назойливым короедом шевелился внутри, отгоняя навалившуюся сонливость и не позволяя расслабиться, погрузившись в пленительный мрак.

Спустя несколько биений сердца я смогла приподнять голову. Незнакомца рядом не оказалось. Приложив еще больше усилий, я сумела заглянуть в лобовое стекло.

Где-то у самых корней волос по коже пробежал холодок. Ровно в этот момент в окно ударились сломанные ветки и мелкий мусор. Резкий порыв ветра подхватил с земли опавшую сырую листву и швырнул на дорогу. Автобус пошатнулся, а впереди, у дальнего столба, на дорогу рухнуло огромное дерево.

Водитель никак не среагировал. Скорость осталась прежней. Обмякшие тряпичными куклами пассажиры даже не пошевелились, не издали ни писка. Меня же словно пнули в живот: воздух застрял в груди, не давая крикнуть, руки уперлись в колени и сжали их до боли. Выпрямиться стало просто невозможно. До тех пор, пока снаружи вновь не раздался гул.

Слева скользнула длинная тень, а затем все вокруг сотряс удар. Звон, скрип и грохот смешались в один оглушительный звук, когда мощный ствол проломил крышу автобуса. Стекла брызнули ледяными искрами, и ладонь мгновенно прикрыла лицо.

Я замерла, сжавшись в клубок, стараясь занимать как можно меньше места, и ждала боли. Минуту, другую, третью. Но ничего не случилось. Больше вообще ничего не происходило. Руки с трудом удалось опустить, открывая обзор.

Салон автобуса оказался пуст. Длинные цилиндры ламп освещали потертые кожаные кресла и отражались в мутных поручнях причудливыми белыми гусеницами. Отовсюду торчали изломанные ветки. За широким шершавым стволом сосны, зажатым искореженным металлом, виднелась синяя форма водителя.

Внезапно я почувствовала, как в окаменевшее тело вливается сила — первобытная, наполнявшая с головы до ног кипучей энергией, будто электричеством. Пальцы сжались и разжались, глаза широко раскрылись, и тут же сонный паралич, сковавший сознание, отступил.

— Павел Семенович? Вы целы?

Выкрикнув последнюю фразу, я рванулась было вперед, но ноги неожиданно подкосились так, что едва удалось устоять.

В окружающем пространстве было нечто куда более неправильное, чем исчезновение всех пассажиров. Нечто более зловещее, чем огромное дерево, разорвавшее салон автобуса надвое. Я не сразу смогла осознать, что именно заставляет сердце то и дело пропускать удары, отзываясь болью в груди, но стоило услышать тонкий перезвон над ухом, как все встало на места.

В воздухе каскадами зависли осколки окон самых разных размеров и форм. Они переливались и дрожали, издавая едва слышные нежные звуки. Между осколками серебряными искрами сверкали снежинки, поразительно крупные и резные. Ближе к полу их сменяли брызги грязи, бурыми каплями зависшие у ног.

— Спокойно... — От звука собственного голоса стало немного легче. — Просто дыши.

Я принялась считать вдохи. После десятого быстро осмотрелась. Вывод напрашивался один — сон все же одолел меня в какой-то момент. Другого разумного объяснения не нашлось.

Звон, ставший более резким, заставил вырваться из раздумий. Мелкая крошка стекла и снега приковывала взгляд сиянием, подобно настоящим бриллиантам. В немом оцепенении я потянулась к искрящемуся чуду. Острая боль кольнула указательный палец, и ближайший осколок окрасился алым.

— Не вздумай совать руки! — Незнакомец снова оказался в паре шагов и впервые повысил голос.

— Что происходит? Куда все делись? — Вместо крика из горла вырвались прерывистые хрипы.

— Спокойнее. Не могу поверить, что ты приходишь в себя! — Серые глаза смотрели с гордостью.

— Как отсюда выбраться?

— Попробуй... — Он осекся. — Осторожно! Отойди от окна и пригнись!

Мне показалось, что он потянулся к моей руке, но тут же отпрянул и пропал.

Сразу за этим последовали быстрые движения в воздухе: стекла складывались, будто мозаика, образуя целое окно; кресла выпрямлялись и вставали на места; поручни разгибались, как измятая крыша автобуса, постепенно выталкивая толстый ствол дерева и затягиваясь.

Затем погас свет, и голова наполнилась неразборчивым гулом. Пол поплыл под ногами, дыхание сперло, а тело наполнило чувство падения в бездонную пропасть. Вынести большее не представлялось возможным.

Обморок не был похож на сон. Сознание оставалось живым и спутанным, полным образов и воспоминаний. Они проплывали одно за другим, а затем растворялись, оставляя лишь смутный след.

Пробуждение заняло долгое время. Это был неспешный процесс, словно у ныряльщика, который мерными толчками ног стремится приблизиться к поверхности. Призрачный свет казался все ближе, теплее и ярче, пока не заполнил все вокруг.

Я лежала на гостиничной кровати, пронзительно скрипевшей пружинами при каждом движении, под колючим шерстяным одеялом, отделенным от кожи тонкой простыней. За окном тучи затягивали светлеющее небо. Мелкий дождь застучал по железному подоконнику монотонной дробью.

Подняться на ноги вышло не сразу: голова беспощадно болела, спина затекла, а на руках чувствовалась сотня мелких царапин. Но сколько бы я ни осматривала, не нашлось ни единого повреждения. Неужели вчерашнее видение было обычным кошмаром? Я совершенно не помнила, как оказалась в номере. Должно же было остаться в памяти хоть что-нибудь!

Сидеть, уткнувшись лицом в ладони, точно ничем не бы не помогло. Стоило хотя бы пойти в душ и как следует охладить голову. Горячей воды в любом случае там почти не появлялось.

Ледяные струи ударили по плечам, прокатились вдоль позвоночника и рассыпались у ног. Ровные квадраты грязно-оранжевой плитки на полу и стенах потемнели, запах сырости усилился.

Я уже начала привыкать к тому, что тепло в этом городе — непозволительная роскошь. Впервые отсутствие здесь горячей воды пришлось кстати. От колючей прохлады с головы словно спадал металлический обруч, и мысли становились яснее.

В памяти прокручивались сцены в больнице и автобусе. Обхватив плечи, я осела на кафельный пол. Крупные капли падали вокруг и рассыпались брызгами подобно ливню. Взгляд упал на запястье.

Я забыла снять часы! На глаза навернулись слезы. Крохотные стрелки за гранями изящного стекла будто бы перемещались рывками. А ведь прошлым вечером я так и не догадалась на них взглянуть. Хотя, с тех пор как мама оказалась в больнице, время практически потеряло значение.

На ум пришел пестрый календарь на стене номера с пожелтевшими листочками не толще салфетки. Но вот число на нем постоянно ускользало из воспоминаний. В мыслях царил полнейший хаос, они перескакивали с бешеной скоростью, то и дело сбиваясь.

Я решила подняться и выключить воду только после того, как меня начал бить озноб. Натягивать одежду на мокрое тело было не лучшим решением, но следовало поспешить. В коридоре ведь мог снова оказаться морок, а значит и незнакомец, способный дать хоть какие-то ответы.

Чем дальше проходила вдоль закрытых пустых комнат, тем хуже становилось освещение. Обои совершенно обесцветились. Двери из темного дерева стояли ободранные, выщербленные, побитые.

Лампочки, торчащие буквально из самой стены, сперва прерывисто мигали, а затем не зажигались вовсе. С самого приезда в Чернозерск я пыталась понять, к чему такому захолустью гостиница на столько номеров? Неужели она хоть раз оказывалась заполнена постояльцами? Да, озеро привлекало туристов в летний сезон, но они предпочитали селиться на берегу.

В нескольких шагах от нужного места я почувствовала, как неприятно щемит в груди. Не знаю, что именно я ожидала увидеть, кроме, разумеется, того незнакомца. Он стал чем-то вроде света маяка в окружающем шторме.

Морок оказался на месте, плавно покачиваясь в затхлом воздухе, но за ним не виделось ничего примечательного — такой же мрачный и пыльный коридор с красным ковролином. Рядом никто не стоял.

Мне хотелось задержаться подольше и подождать, но времени до автобуса оставалось все меньше, а тревога и головная боль начинали нарастать.

Стоило только отвернуться и отойти, как незнакомец шагнул навстречу буквально из темноты.

— Прости, находиться внутри все сложнее. Границы становятся плотней, и сама петля невыносимо давит. — Усталый голос звучал глухо. — Надеюсь, ты смогла сделать выводы. Найди поворотную точку, ключевое событие. Думаю, это единственный способ освободиться.

— Подожди секунду! — Я дернулась всем телом. — Что за петля? Ты имеешь в виду, что каждый день происходит ровно одно и то же, даже если пытаешься что-то изменить? Как я буду что-то искать, если даже из больницы или гостиницы сама выйти не могу?

— Я пробыл здесь слишком долго. Извини, не могу пока ответить на все твои вопросы. — Он поморщился, будто пересиливая боль. — Знаю только, что ты застряла в коротком отрезке времени, которое раз за разом повторяется после определенного момента. Я пробовал на что-то здесь повлиять, но никак не выходит.

— Я правильно понимаю, что мы уже проживали этот день? — с полным неверием проговорила я.

— Десятки раз... — сказал он совсем тихо.

— Что с остальными? Они тоже застряли?

— Думаю, что так. — Он прижал к виску ладонь. — Я еще не во всем разобрался. Прежде ты один раз пробовала не идти к автобусу. В конце концов, после нескольких приступов головной боли, ты, словно кукла, все равно стала двигаться туда, куда нужно. За другими я подобных попыток не замечал.

— Кто тогда ты? — с сомнением спросила я.

Возможно, ему хотелось ответить, но он не смог. Слова стихали, не отдаваясь больше гулким эхом в пустом коридоре, становились неразборчивыми, терялись, блекли. Свет морг-

нул, и передо мной остался лишь дрожащий над полом морок, в замкнутом пространстве уже никак не напоминавший пустынный мираж.

Бесконечная вереница неотличимых друг от друга дверей сводила с ума. Остановившись наконец у своего номера, я коснулась того самого места, где должен был находиться мой белый кролик. Похоже, все бесполезно.

Подвинув длинный старомодный ключ, словно от древнего сейфа, я все же извлекла из кармана наклейку и перевернула. На обороте корявым почерком было выведено: «Я не сумасшедший, просто моя реальность отличается от твоей».

Из груди едва не вырвался истерический хохот. За пару недель до злосчастной поездки Костя подарил мне целый набор наклеек с героями «Алисы в Стране чудес» и каждую подписал.

Чужой ребенок, ставший однажды настоящим членом семьи. Тихий мальчишка в крупных очках на веснушчатом носу. Язвительный, умный и такой одинокий.

Они со старшей сестрой с раннего детства были предоставлены сами себе и выросли сообразительными, но слишком взрослыми для своих лет. Оля пошла своим путем, не оглядываясь на брата.

Костя нашел свой собственный мир, поглощая книги с такой скоростью, словно они оставались его единственным спасением. Я так сильно скучала по нему. Сейчас мальчик остался единственным близким мне человеком.

— Ты продолжаешь оказываться прав в самых неожиданных ситуациях. — Я погладила гляцевую поверхность картинки, словно могла через нее обратиться к Косте. — Не думаю, что сошла с ума и не сумею отличить реальность от кошмара.



V. Лика. Ключевое событие

В запасе оставалось не больше пятнадцати минут. Если незнакомец говорил правду, а я хотела ему верить, избежать поездки никак невозможно. Значит, действовать нужно, пока позволяет время. В буквальном смысле.

Я решила составить что-то вроде распорядка этого бесконечного дня и проверить, в какие моменты возможны отклонения. Во всяком случае, попытаться сломать систему лучше, чем просто ничего не делать.

Но сначала стоило узнать, какое все-таки сегодня число. Оно должно стать чем-то вроде якоря.

На прикроватной тумбе лежала прихваченная вчера с сестринского поста местная газета. В правом углу над названием вместе с номером выпуска указана дата — пятое октября.

Чем дольше я смотрела на нее, тем отчетливее чувствовала вязкую слабость в сознании, словно навязчивая идея заставляла тут же все забыть. Стоило только попытаться подумать о том, какое число будет завтра и сколько же дней я на самом деле провела в городе, как голова начала нестерпимо болеть.

В кармане завибрировал телефон. Стало совсем не по себе.

— Привет! — Теперь я отчетливо слышала, как механически звучит голос. — Ты как?

— Костя! — В душе еще теплилась надежда, что ему действительно удалось дозвониться сквозь все это безумие. — Знаю, немного странный вопрос, но можешь сказать, какое сегодня число?

— Стараюсь, — послышалось в трубке. — Может, я к тебе приеду? Тяжело же одной застрять.

Я сбросила звонок. Руки тряслись, едва удерживая телефон. Нет, мне ни в коем случае не следовало уступать панике.

В сумке нашелся мой блокнот с набросками. Удивительно, но все эти дни в Чернозерске я почти не выпускала карандаш из рук. Пролистав страницы, я не узнала многие из рисунков, другие же не нашла.

Я открыла чистый лист и глубоко вдохнула, собираясь с мыслями. О ключевом событии гадать не приходилось: сомневаюсь, что нашлось бы нечто более подходящее под это определение, чем рухнувшее на автобус дерево.

Распорядок вышел достаточно короткий. Почерк менялся с каждым записанным словом, становясь все неразборчивей. И чем старательнее я начинала воспроизводить в памяти тот или иной момент, тем больше сомнений вызывала каждая деталь, и прежние выводы казались мне все менее очевидными.

Времени больше не оставалось. Ноги начали предательски подрагивать, а живот скрутило. Стряхнув лишние мысли, я отправила записи в передний карман джинсов, набросила куртку и выбежала на улицу. Администратор за стойкой, как и в прошлые разы, отсутствовал, и тяжелый ключ от номера я оставила в кармане.

Покосившаяся остановка с металлической крышей стояла зажатой между двумя бетонными клумбами. Вместо земли их заполнял мелкий мусор. Автобус с шипением остановился, утопая колесами в грязи. На ступеньку оставалось только запрыгивать.

— Доброе утро! — Я набрала в грудь воздух, стараясь преодолеть неловкость, и шагнула к водителю. — Вы хорошо себя чувствуете?

— А что не так? — Седые косматые брови сошлись на переносице.

За спиной кто-то тихонько откашлялся. Мне показалось, что я услышала укоризненный женский шепот. Водитель кинул быстрый взгляд назад.

— Вы сегодня очень бледный. — Я постаралась вернуть самообладание. — Я каждый день езжу этим автобусом к маме, вот и успела привыкнуть. А теперь вдруг заволновалась, простите.

— Вот оно как. Тогда все ясно. — Улыбка сильно изменила его лицо, сделав будто на десяток лет моложе. — Все в норме. Я просто немного устал, но это можно пережить. Ну, я надеюсь.

Пассажиры тихонько перешептывались. В маленьком городе, где все друг друга знают если не лично, то понаслышке, новое лицо неизбежно вызывало интерес. Да и заговорила я с кем-то вне больницы, кажется, впервые за долгое время.

Двери с шипением закрылись, и автобус тронулся. За нашей беседой с любопытством наблюдало множество глаз. Я узнала медсестру из маминого отделения: худенькая девушка в желтом шарфе, она сильно выделялась на фоне остальных. Стоило попробовать поговорить с ней следующей.

Почти все сидения оказались заняты, так что я вполне могла повиснуть на поручне при входе, не привлекая лишнего внимания, и понаблюдать. Водитель привычно объезжал рытвины на дороге и недовольно ворчал под нос.

И как я раньше не замечала, насколько плохо он выглядит? Глаза глубоко запали, кожа обрела сероватый оттенок и обветрилась, губы дрожали. Только жилистые крепкие руки продолжали уверенно сжимать руль. Средний палец левой руки украшал перстень с необычным серым камнем.

— Простите еще раз за беспокойство! Мне просто показалось, что вам не помешает отдых. — Я постаралась говорить как можно тише и мягче. — Вы ведь отвечаете за жизни всех этих людей.

— Хочешь сама повести автобус? — Водитель даже не повернул головы. — Ладно, забудь. И сам знаю. Но работать надо. Позже выплыву.

— Конечно.

Я успокаивала себя тем, что если уж день и правда повторяется по кругу, то вся эта неловкая ситуация сотрется у всех из памяти. Кроме меня, к сожалению.

Павел Семенович бросил еще один косой взгляд назад и тяжело вздохнул. Я сделала вид, что внимательно смотрю в окно, и повернула голову. Та самая медсестра, кажется, ее все-таки звали Алина, с благодарностью кивнула мне.

Небо все оставалось тяжелым и серым. В салоне стоял запах прелой листвы. Пару оставок мы ехали в тишине, пока водитель снова не вздохнул и не фыркнул тихонько:

— Не твое это дело, но за заботу спасибо. Попробую между рейсами все же поспать часок-другой.

Уже на выходе я обернулась и заметила, как по лицу Алины текут слезы. Сама она, похоже, этого не замечала, продолжая вести себя обычным образом. Прежде подобного не происходило. Тоска, читавшаяся в ее взгляде, показалась откуда-то знакомой.

К больнице я шагала автоматически. Теперь день отличался от привычных. Возможно, если изменений накопится достаточно много — это поменяет и итог?

Солнце, скрытое за плотной пеленой, сместилось, свет потускнел. Вот бы можно было изменить не этот, а совсем другой день. Лучше бы я получила шанс отговорить маму от экскурсии и поскорее уехала.

От этих мыслей не удавалось избавиться до тех пор, пока в палату не вошла Алина. Как и прежде, она привезла капельницу. Я попыталась заговорить, но разговор совсем не задался: девушка не реагировала на неожиданные вопросы или отвечала невпопад, будто робот, столкнувшийся с не прописанным в алгоритме действием.

Не выдержав, я попыталась уронить стойку с капельницей, стоило Алине отвернуться. Но она с поразительной скоростью и без малейшего звука развернулась и подхватила ее у самого пола.

Врачи в коридорах не замечали меня совсем. Во всяком случае, стоило обратиться к ним, как они меняли направление и исчезали за ближайшей дверью. Буфетчица рассказывала по кругу одни и те же сплетни.

Небольшой победой стало только уклониться от чуть теплого кофейного напитка, который та норовила на меня вылить. Уже что-то.

Незаметно приблизился вечер, а прогресса так почти не наблюдалось. Санитары привычно суетились в коридорах, громко шаркали больные, гудели белесые лампы на потолке.

Я металась от одного вчерашнего пассажира к другому, задавая бесконечные вопросы и пытаясь уговорить задержаться в больнице. Все без толку.

В семь я попрощалась с мамой, нежно сжав напоследок ее тонкую кисть. Неудачи последних часов не прибавляли уверенности. Разве что, теперь я не поскользнулась при выходе на крыльцо.

Ноги сами несли меня к остановке. Над знакомой лужей мерцал морок. Я оказалась даже рада его увидеть.

В том же месте, посреди пешеходной дорожки, он загадочно сверкал в лучах фонаря, похожий на всеми забытый «секрет» — маленькое стеклышко, за которым дети раскладывали фольгу и яркие цветы, а затем закапывали в песок.

Там, за почти неразличимой границей морока, стальное небо рассыпалось снегопадом. Ветки деревьев покрывали пушистые белые шапки, а потемневшие здания выглядели удивительно мирными с такими яркими желтыми окошками.

Как бы мне не хотелось остановиться и понаблюдать, время поджимало, и вот-вот должен был появиться автобус. Вдалеке его фары уже вырывали из темноты небольшие участки дороги.

У меня оставалось буквально две-три минуты, но в душе проснулось жгучее желание узнать, что случилось бы, решишь я пойти в противоположном направлении — к выезду из города. Избегая приступа боли, я не стала долго об этом думать — сорвалась с места и побежала к потертой табличке с перечеркнутой надписью: «Чернозерск».

Буквально на седьмой-восьмой секунде в легких закончился воздух. Перед глазами мелькали разноцветные точки, но хуже всего за ними была непроглядная темнота, словно мира вокруг просто не было. Упругая осязаемая тьма заняла его место.

С большим трудом я попятилась. Сладкий, прохладный воздух наполнил грудь. Пролетели у самого лица прелесть листья, пробежали мимо опаздывающие, как и вчера, медсестры. В паре метров зашипели скрипучие дверцы автобуса.

Павел Семенович выглядел лучше. Хмурое лицо немного посветлело и разгладилось, глаза дружелюбно блеснули. Он неразборчиво буркнул что-то под нос, качнул головой, и автобус тронулся.

Я заняла привычное место позади остальных пассажиров, зажала в ладони острую металлическую заколку и приготовилась бороться со сном.

«Теперь не вздумай засыпать!» — тут же пронеслось в голове. Впереди звучали привычные разговоры, медсестры обменивались последними новостями, мерно гудел мотор. События продолжали идти своим чередом.

Автобус въезжал в парк. Непрерывное раскачивание вековых деревьев пробуждало, заставляло вспомнить последующие события в мельчайших деталях. Смогла ли я хоть немного расшатать временную ловушку?

На немногочисленных столбах подрагивали фонари. Мимо окон то и дело пролетали сложенные ветки и бурые листья. Разговоры затихали. Оставалось лишь ждать появления послед-

него морока. Вернее, надеяться, что не увижу его больше. Верить, что мы все просто доедем до дома, ляжем спать и проснемся ранним утром шестого октября.

Ничему из этого не суждено было сбыться. Морок возник все в том же месте — у покосившейся остановки. Снаружи бешено выл ветер, по металлическим бортам то и дело стучали обломки и мусор.

Впереди рухнуло первое дерево. Водитель не среагировал. Он не вывернул руль, не нажал на тормоз, даже не снизил скорости. Все повторялось. Я вырвала себя из оцепенения. Ничего хорошего это не сулило.

Меньше всего хотелось снова переживать этот день. Настолько быстро, насколько хватало выдержки и сил, я направилась к Павлу Семеновичу. Колени дрожали, руки тряслись, пока я сжимала изголовья впереди стоящих кресел и подтягивала себя шаг за шагом.

Пассажиры еще находились на местах. Знакомые лица выглядели совершенно спокойными. Иногда пальцы касались чьих-то волос или шарфов и пальто, но никто не реагировал. Думать следовало как можно скорее.

Взгляд машинально уперся в наручные часы. Стрелки на них вели себя странно. Самая тонкая перемещалась словно через силу, ненадолго замирала, а потом совершала новый рывок. «Значит, время все же искажено». Мысль казалась абсурдной.

Мне почти удалось добраться до передней части салона, когда в стекла ударил целый ворох цветных листьев. Тот самый, последний порыв ветра настиг нас.

Воздух наполнил легкие, я собрала последние силы и смогла крикнуть:

— Тормозите! Пожалуйста! Тормозите!

Павел Семенович дернулся и сонно завертел головой.

«Медленно, слишком медленно!»

Я бросилась вперед, пролетела около полуметра, пока не ударилась животом о водительское сиденье, а затем, больше не колеблясь, ударила ногой в педаль тормоза прямо поверх ботинка водителя.

Меня тут же швырнуло вперед, а следом отбросило в проход между креслами. Ладони уперлись в грязный прорезиненный пол, проехали по нему, но помогли не свалиться на спину. Мгновение спустя крышу над самым водительским местом проломила сосна.

Брызнули стекла. Я загродила лицо рукой, но глаз не закрыла. Пассажиры пропали, и салон снова оказался совершенно пустым. Ничего не изменилось. Но как такое возможно, ведь я точно успела остановить автобус?! Разве это не было ключевым событием? Разве Странник не говорил, что... Странник!

Среди застывших осколков я едва-едва смогла различить его. Теперь он сам походил скорее на морок. Выглядело так, словно он пытается что-то сказать.

— Ключевое событие! Я ведь изменила его! — Давление вокруг нарастало, и мне едва удавалось говорить. — Я все сделала! Что не так?

— Уверена? Был кто-то, на кого ты могла влиять? — Голос незнакомца звучал едва ли громче звона стекла.

Он снова исчез. Я осталась одна. Время начинало едва ощутимо двигаться. На кого я могла влиять? Все вели себя со мной как запрограммированные, кроме... Кроме водителя! Тогда, может, событие должно быть ключевым не для меня, а для него? Я закрутила головой по сторонам.

И тут заметила то, чего не видела прежде. На переднем сидении у окна сидела Алина. Тело ее сильно наклонилось, и вокруг головы дрожали в воздухе десятки осколков. Самый крупный из них оставался в раме. Его острый край застыл в паре сантиметров от виска девушки.

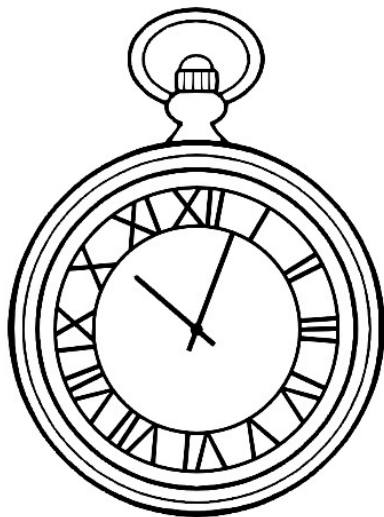
Других вариантов не оставалось. Я протянула руку, ощутив каждый фрагмент зависшего в воздухе стекла, и ухватила Алину за рукав пальто. Рывок, и мы обе оказались на полу. Мгновение спустя раздался оглушительный скрежет и звон. Автобус тряхнуло.

Вокруг стало совсем тихо. Стоило открыть глаза, как в них ударили яркие блики. В этот раз осколков почти не было, а те, что сверкали над головой, походили на драгоценную россыпь.

Павел Семенович встал с кресла и прошел прямо через широкий ствол дерева. Движения его выглядели удивительно легкими. Он осмотрелся и, заметив нас с Алиной, подошел ближе. Я машинально обхватила протянутую сухую теплую руку грязной саднившей ладонью, крепко сжала и встала на ноги. Била дрожь. За окнами автобуса шел снег.

— Каждый раз я видел это во сне. Я не мог уберечь дочь! Не мог ничего исправить! Значит, все-таки не кошмар... — Павел Семенович помог мне усадить Алину. — Да, так все и было. Все по моей вине... Так и не смог ей помочь.

Меня он больше не замечал. Водитель наклонился к невероятно бледной Алине. На впалых щеках спящей девушки виднелись черные бороздки размытой туши. Павел Семенович коснулся ее макушки, вздохнул тяжело и печально и спустился по ступеням автобуса прямо в метель.



VI. Лица. Больница

Мир перед глазами заволокло белой дымкой. Буря эмоций улеглась, и даже возникавшая на их месте пустота в груди казалась приятной и мягкой. Что бы ни происходило раньше, оно закончилось, словно беззвучно лопнул мыльный пузырь.

На какое-то время все, кроме оглушительной легкости, заполняющей тело, потеряло значение. Мне казалось, что я пробудилась от кошмарного сна и никак не могла вспомнить деталей. Да и желания такого не возникало. Хотелось просто лежать и ни о чем не думать.

Постепенно в мягкой белизне начали проскальзывать тени и блики. За ними появились звуки. Очень знакомые и успокаивающие: приглушенные голоса, стук маленьких колесиков по кафелю и мелодичный стеклянный звон. Сонливость отступила, и я открыла глаза.

У самого лица оказался край квадратной тумбы. На ней в керамической вазе стоял небольшой букет. Цветы завяли, хотя по-прежнему остро пахли.

— Пришли в себя? — Медсестра положила мягкую ладонь на мой лоб и убрала прилипшую прядь.

Я помнила, что ее звали Алина. Откуда-то возникло чувство, что совсем недавно я видела ее где-то в совсем другом месте. В затылке от этих мыслей неприятно заныло.

Осипший голос девушки оказался теплым и звонким. В нескольких местах на лице и шее у нее выделялись пятна тонального крема.

Ответить на вопрос не получилось — во рту пересохло, а в голове еще стоял плотный туман. Удалось только слабо кивнуть и немного повернуть шею. Алина поправила выглаженный халат и постаралась улыбнуться. На ее виске виднелся достаточно свежий и длинный шрам.

— Вот и хорошо. Я боялась, снова заснете. Что-нибудь болит?

Я покачала головой.

— Отлично. Сейчас доктора позову, а вы постарайтесь пока не спать.

Врач пришел сразу: деловито осмотрел, опросил и дал указания незнакомой медсестре, ходившей за ним по пятам. Меня преследовало чувство, что я знаю его, только воспоминания моментально вылетали из головы. Через полчаса я уже и забыла, что кто-то приходил.

Тени начали сгущаться. Алина вернулась с тарелкой супа из протертого картофеля и потребовала, чтобы я поела. Голод совсем не ощущался, но устремленный на меня усталый теплый взгляд и слегка дрожащие заботливые руки девушки убедили подчиниться. Мне совсем не хотелось расстраивать ее.

— Спасибо, — смогла выдать я. — Постараюсь.

— Помните, что с вами случилось? — спросила Алина.

Голову сдавило болью у самых висков. Чувство было невероятно знакомым, будто выбравшимся из того забытого кошмара, что крался за мной по пятам. Я поморщилась и покачала головой:

— Смутно. Помню, как приехала в город и что случилось сразу после этого. — Виски снова пронзила боль, и я постаралась переключиться. — Помню, что мама в больнице. Я навещала ее, а потом...

— Лучше не пытайтесь насильно вспомнить, — остановила меня Алина. — Все само придет, как наберетесь сил. Сейчас стоит думать о приятном. Насколько это возможно.

— Давно я в больнице? И как там мама? — наконец решилась спросить я.

— Все без изменений, кушайте. — Она недовольно заглянула в мою тарелку. — Если съедите все, расскажу вам одну местную легенду.

— Про озеро?

— И как вы угадали? — Улыбка Алины выглядела искренней. — Это и правда очень необычная история. Может, даже немного сказка. Теперь кушайте.

Всякий раз я подносила ложку ко рту, словно преодолевая сопротивление. Любопытство придавало мне больше сил, чем я ожидала в себе найти. Алина, чтобы не смущать, присела на подоконник.

Мы обе молча глядели в окно на садящееся за редкими облетевшими деревьями солнце. Закат пылал ярко. Он окрашивал облупившуюся краску на стенах и старые грубые простыни в коралловый цвет. Даже безликая больничная палата в таком свете казалась уютной и теплой. Тарелка наконец опустела.

Собираясь поставить посуду на тумбочку, я увидела свой блокнот. Мне вдруг очень захотелось взглянуть на наброски.

Пейзажи на последних страницах портретом. Худое строгое лицо с едва заметной щетиной, внимательный взгляд светлых глаз темной линией контура радужки. Край светлой рубашки, выбивавшейся из-под куртки. Из мелких деталей складывалась вполне точная картина. Внизу страницы моим почерком значилось «Странник». Звучало неплохо, но кто это был? Где я могла его видеть?

— Хорошо справились! — похвалила Алина. — Осталось поставить капельницу. Полежите смирно — она может щипать. — В сгиб локтя вонзилась игла. — Так вот.

— Вы очень добры. Спасибо!

— Не за что. — Алина отвела взгляд. — Вы ведь столько пережили за очень короткий срок. Это должно быть трудно. И еще я чувствую себя немного виноватой перед вами.

— Почему? — удивилась я.

— Из-за моего отца. — Медсестра встала и поправила капельницу. — Но давайте об этом в другой раз поговорим. Вы раньше много спрашивали о Старом городе, когда навещали маму. Сейчас попробую вам что-нибудь интересное о нем рассказать.

— Спасибо!

— С чего бы начать?

Алина приподняла мне подушки, принесла из угла деревянный стул и устроилась возле кровати. Что-то в ее манере деловито усаживаться и расправлять одежду напоминало мне птицу. Методично раскладывая лекарства по ячейкам специального ящика, она начала рассказывать.

— Вы точно слышали, что на дне водохранилища покоится старый город — Верма. Именно город, а не деревня, как везде пишут. Шесть тысяч жителей для такой глуши — очень серьезная цифра. Говорят, еще в двенадцатом веке один князь во время своего похода был застигнут здесь половодьем, остановившим его поход. Получается, город словно вышел из воды. В нее же в итоге и ушел. Прежде Верму окружал лес и каменистые холмы. А назвали ее так в честь реки, на которой и построили город. Были там и мощеная площадь, и больница, и пожарное депо. С запада к домам поступало Черное озеро. Вода в нем была такой холодной и темной, что даже в июльскую жару купаться решались немногие. На одном из холмов за городом стоял храм с колокольней. То, что от нее осталось, при хорошей погоде сейчас видно даже с берега. Бывает, что получается рассмотреть и другие руины: раз в несколько лет вода отступает с затопленных улиц, и по ним можно даже гулять, если не боишься увязнуть в иле.

— Неужели это правда возможно? — удивилась я.

— Водоохранилище несколько лет назад к концу лета обмелело настолько, что над поверхностью показались даже плоские острова со стенами тех домов, что не успели или не захотели перенести в Чернозерск. — Алина задумчиво подперла щекой ладонь. — Много историй ходит о Старом городе. Когда я была совсем маленькой, любила перед сном слушать о разных чудесах. Отец любил рассказывать о приключениях их четверки друзей, изучавшей все уголки и пещеры Вермы. Он рассказывал, что было на берегу место, где если обронить в воду монету

или кольцо с руки, они тут же снова на месте оказывались. Или же вместо них красивый камень лежал. Смешно, конечно, но люди верили. Кто-то и до сих пор верит. Рыбаки рассказывают, что лунными ночами на берегу водохранилища можно увидеть Хозяина озера. Правда, о таком даже отец не слышал.

— Надо же, у озера даже Хозяин есть. — Я закопалась глубже в подушки.

— Кто знает, может, и есть. Ну что, потешила я ваше любопытство? — Алина наконец убрала капельницу.

С трудом верилось, что хотя бы часть городских легенд — правда. Знала я еще одного человека, который очень их любил. Роман собирал и записывал каждую байку о городе, которую слышал.

Грустно, что теперь от старого города остались одни руины и огромная гладь водохранилища, приносящая теперь шторма. Трудно представить, кто мог решиться уничтожить такое древнее и полное чудес место.

— Зачем же его затопили? — печально спросила я.

— Промышленность развивали. Областному центру энергии не хватало. Вот и решили столичные светила построить здесь ГЭС. Их послушать — так все для людей было: и рабочие места, и энергия дешевая, и новое жилье. Только вот стоило ли все это родной земли? — Алина покачала головой.

— Думаю, нет, — почему-то шепотом заметила я. — Нашлась бы другая река и другое место.

— И я так думаю. — Алина встала и убрала опустевшую капельницу. — Заболтались мы что-то. Отдыхать нужно. Набирайтесь сил!

Голова стала тяжелой и пустой, и даже накопившиеся вопросы потеряли свою важность. И все же мне почему-то было страшно засыпать. Я прикрыла глаза всего на минутку и тут же провалилась в сон.

Поначалу он оставался мирным. Обычная вереница путанных переживаний и полузабытых лиц. За ними начала проклевываться тревога — беспокойное чувство, что я забыла нечто невообразимо важное и страшное. Воспоминание мелькало совсем рядом, готовое вот-вот накрыть с головой, но я сознательно избегала его.

Больничная койка жалобно скрипнула от резкого движения. Я открыла глаза, облокотилась на холодную металлическую спинку и судорожно пробежала взглядом палату. Из-за полосок раздвинутых жалюзи проникал свет луны. В нем все было видно, но только едва. Хлипкая дверь оказалась только прикрыта и покачивалась от сквозняка, время от времени стуча о раму.

Напротив в пятне ледяного света неподвижно стоял высокий мужчина. На короткий момент на ум пришел Хозяин Озера, но, разумеется, это был не он. Вероятнее всего, силуэт у окна мне просто снился. Я читала, что на некоторых этапах пробуждения человек уже слышит звуки и отвечает собеседнику, но фрагменты сна могут еще присутствовать.

— Ты наконец проснулась! Как себя чувствуешь? — Мужчина говорил так, будто мы давно знакомы.

— Я видела тебя во сне, — ответила я.

— Позволь, я угадаю, — предложил он, не меняя положения. — В том самом сне, где ты никак не можешь доехать до гостиницы? Там возникали странные миражи, словно окна в другую реальность, а люди никак на тебя не реагировали?

— Да, — согласилась я. — Ты ведь тоже там был.

— Ладно. — Гость подошел ближе. — А какое сегодня, по-твоему, число?

— Не помню. Пятое или шестое октября. — Мне пришла на ум газета в гостиничном номере. — Почему ты спрашиваешь?

Мужчина окинул меня взглядом и, ступая без малейшего звука, направился обратно к окну. Оттуда он махнул рукой, приглашая подойти ближе. Нас разделяло не больше четырех метров по диагонали.

Ноги ошутимо тряслись, когда я поставила их на обжегший холодом пол. Может ли так быть во сне? Не слишком ли реальны ощущения? Несколько несчастных шагов дались с большим трудом. Ладони уперлись в шершавый подоконник, и я наконец выглянула на улицу.

И не смогла оторвать глаз от неба над черными силуэтами деревьев. При взгляде на нетопливые и пушистые хлопья снега слегка кружилась голова, и мерцали пятна. На огромных сугробах от стволов деревьев лежали тени-полоски.

— Не очень похоже на октябрь, правда? — раздалось у самого уха.

Я не почувствовала ни дыхания, ни тепла.

— Так бывает. И это все еще сон. Ты ведь Странник? Тебя не может здесь быть. — Смутное беспокойство заставило попятиться и обернуться. — Если все это правда, значит... Значит, те люди в автобусе и тот бесконечный день... Такого просто не может происходить в реальности.

— Интересное прозвище. Пусть будет Странник. Я понимаю, непросто принять сразу. — Он проследил за тем, как я пячусь до самой постели. — Сейчас конец декабря. Ты провела в больнице без сознания больше двух месяцев, проживая раз за разом свое пятое октября. И, думаю, не ты одна, а каждый, кто был в том автобусе. Так или иначе.

В мыслях подобно мантре крутилось: «Не слушай его, не думай об этом. Ты спишь. Это лишь сон, неважно, насколько правдоподобный». Только вот услужливая память подкидывала одно воспоминание за другим. А затем сплетала их в пугающие цепочки.

— Подожди! Мне нужно подумать. — Я села, укутавшись колючим одеялом до самой шеи, зажмурилась и постаралась успокоиться. — Допустим, все правда. Допустим, такое хотя бы в теории возможно. Кто ты? И почему... почему у тебя нет тени?

— Тебя сейчас беспокоит именно это? Тень? — Голос раздался чуть ближе.

— Просто ответь на вопрос! — угрюмо отрезала я.

— Как скажешь. — Странник подошел к изножью кровати и остановился там. — Я не могу назвать тебе никакого другого своего имени, ведь просто его не помню. Будто и не было ничего до этой осени. Первое, что могу вспомнить, — как стою у морока и наблюдаю сквозь него за людьми. Странное чувство: мне ничего не хотелось, ничего не было нужно. Довольно долго я просто бродил по городу. Затем вернулся к тому месту, и посреди дороги сквозь пелену я заметил автобус. По другую сторону оказались только обочина и сломанные ветки. Мне стало любопытно, и я решил понаблюдать. Там я наткнулся на тебя.

— Почему ты решил заговорить именно со мной? — Мне все еще казалось, что я брежу.

Странник задумался. В лунном свете выражение его лица оставалось только угадывать. При таком освещении он выглядел старше. Точный возраст определить я никак не могла, но решила, что ему не больше тридцати. Странник наконец повернул голову.

— На самом деле ты первая заметила меня, — ответил он вдруг. — Я ведь раньше даже не планировал пересекать границу морока. Ты же все время пыталась прижаться к ней ладонью. Мне казалось, ты смотришь оттуда прямо на меня. Подобного еще не случалось. Люди игнорировали мое присутствие. Мне стало любопытно, и я тоже прикоснулся к миражу, а затем внезапно оказался с тобой рядом. Но ты вдруг перестала меня замечать и помчалась к автобусу.

— И ты последовал за мной, — констатировала я.

— Вроде того. — Странник беспокойно прошелся по палате. — Я пытался найти закономерности. Мне все время казалось, что эти странности как-то со мной связаны. Наблюдать события в петле раз за разом сводило с ума, и я пытался хоть как-то помешать аварии.

— Неужели больше никто не заметил тебя? А водитель? — вырвалось у меня.

— Большую часть времени даже ты меня не видела. А когда замечала, отказывалась верить. Потом вообще забывала. В какой-то момент я почти отчаялся и собирался уйти. Да и находиться в петле становилось физически больно. Я буквально ощущал, как внутри что-то меняется. И вот почти уже решился, когда увидел среди твоих набросков свой портрет.

— Не помню, как рисовала тебя. — Отчего-то мне стало неловко.

Я действительно достаточно редко изображала на бумаге людей. Мне больше нравились пейзажи или орнаменты. Портреты же выходили совсем не такими, как рисовала память. Хуже всего получался самый нужный мне портрет.

— Мое присутствие несколько раз заставляло тебя вести себя иначе. — Он пожал плечами и продолжил: — Я пробовал разные способы начать контактировать с тобой, но вскоре понял, что не могу постоянно находиться внутри петли. Мне пришлось придумывать другой способ достучаться. Чаще всего мне удавалось начать разговор рядом с границами. Я стал появляться там снова и снова в одно и то же время, повторяя одни и те же слова и действия, в надежде оставить какой-то след. Было странно и немного нелепо, но, кажется, у меня вышло.

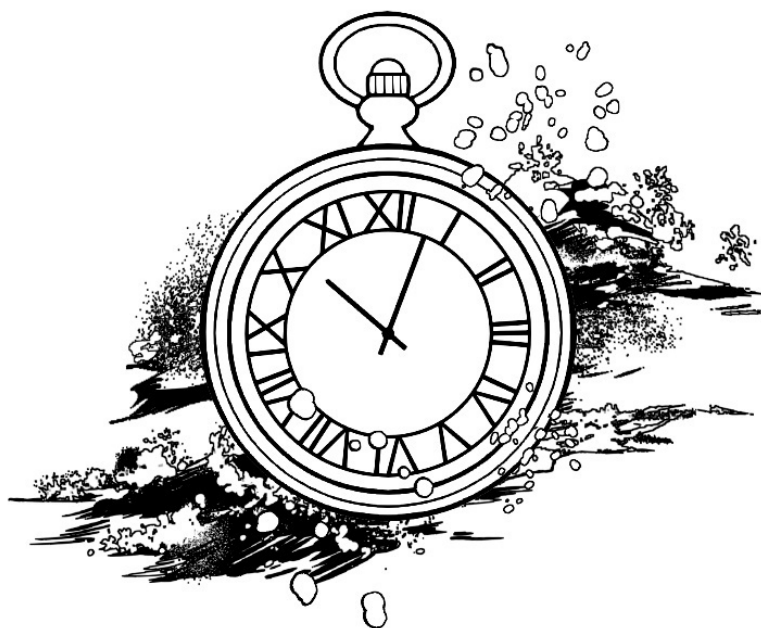
— Необычное решение, я бы не додумалась. И все еще не могу понять, как у меня получилось выбраться.

— Не уверен, что именно повлияло на исход. Перескажи для начала последние события до мелочей. — Он глянул в окно и отошел от кровати. — Только не сейчас. Через пару часов уже станет светло. Попробуй выспаться и принять хотя бы тот факт, что ты побывала во временной петле. А на сегодня, пожалуй, хватит.

— Последний вопрос! — Голос предательски дрогнул. — Моя мама, она может сейчас находиться в такой же петле?

— Учитывая ее состояние, такое вполне вероятно. С некоторыми пассажирами автобуса происходило то же самое — они просто не приходили в себя, пока ты не разорвала петлю. А теперь мне точно пора!

Странник махнул на прощание и вышел прямо сквозь качающуюся от сквозняка дверь.



VII. Роман. Долгий путь

Машина с трудом пробивалась по не расчищенной дороге. В желтом свете фар мелькал снег. Предрассветный сумрак окутывал лес, погружая голые ветви вековых деревьев в сизую мглу. В темном салоне неярко горела приборная панель, пахло кожей и пластиком.

За свои двадцать шесть лет я, пожалуй, впервые чувствовал себя так паршиво. Пальцы, вцепившиеся в руль, побелели от напряжения. Вторая ночь без сна подходила к концу. Сердце болезненно колотилось, глаза опухли. Дорога снова вела меня в Чернозерск, а оттуда на берег озера.

Небо впереди понемногу светлело. Настолько высокое, что глазам было больно смотреть. До города оставались считанные километры.

Если подумать, он никогда мне не нравился. И что за название — Чернозерск? Ни истории, ни уникальности — один из сотни подобных городков. Такой же пережиток прошлого, печальный призрак, застывший над костями позабытого величия.

И все же, раз за разом я возвращался. Просто не мог оставаться вдалеке. Нога невольно сильнее вдавила педаль газа, и ладонь ударила по рулю.

Занесла же нелегкая Аню в такое место! Все ее бредни про направленность времени, память земли и прочее. Про какой-то Хаон, черт его возьми! Не нужно было этого поощрять — сидела бы дома и писала кандидатскую. Я просто пропустил тот момент, когда ее интерес перешел границы нормальности.

Нет, поначалу мы были в этом даже похожи. Мы впервые встретились в архивах Научно-справочной библиотеки Петербурга в попытках найти больше информации о Верме. Меня интересовала история города и покинувших ее жителей, особенно некоторых, а Аню — описываемые местными необычные явления.

В итоге мы так увлеклись совместными исследованиями, что начали жить вместе. До тех пор, пока ее увлеченность не переросла в одержимость.

Она почти не спала, кое-как питалась и не выходила из дому. Жить среди завалов ее бумаг, книг и записей стало невыносимо. Не то чтобы со мной было совсем легко, но я свою работу писал тихо. И не срывался в Богом забытую глушь из-за нелепых слухов и старых баек.

Да, работа в школе вызывала некоторые неудобства, но кто-то же должен был зарабатывать деньги. Аня никак не могла это принять и не хотела отказываться от так называемой «экспедиции». В итоге после глупой ссоры она собрала вещи и уехала с такими же энтузиастами из университета в Чернозерск.

Пару дней я просто злился и не отвечал на ее сообщения. Сухо и коротко, но Аня пыталась наладить контакт. А затем она просто перестала писать мне.

Дорога снова отвлекла от тяжелых мыслей. Слева лес сделался реже, и стал заметен густой туман, собравшийся над озером. Машину занесло. Меня тряхнуло и вжало в дверцу. Дыхание сбилось, и я с секунду просто наблюдал, как неестественно двигаюсь боком. Черными полосами мелькнули деревья.

Вдавлив газ сильнее, машину удалось выровнять и вернуть в колею. Монотонное полотно дороги снова уперлось в снежную взвесь. Черт, нужно уже нормально выспаться! Мысли вернулись к Ане.

Кидаться сломя голову и искать ее не хотелось совсем. Работу тоже никто не отменял, так что я решил подождать, пока эта упрямца успокоится или разочаруется наконец в своем таинственном Чернозерске. К моему удивлению, за десять дней этого так и не случилось.

Мне уже самому захотелось наведаться к руинам старого города. Маловероятно, но в музее или архивах Чернозерска могли найтись нужные мне документы. Можно было бы просто взять отпуск, но вдруг появилась возможность интереснее.

Шла последняя неделя сентября, когда объявили о победе группы моих учеников в городской олимпиаде. Школе торжественно выделили средства и обязали потратить их на необычную экскурсию.

Затопленная Верма отлично подходила для этого. Когда-то на его территории находились загородные поместья нескольких именитых дворян, монастырь и каменная ратуша. Последняя, к сожалению, полностью ушла под воду, но многие постройки сохранились на маленьких, поросших кустарником островках. Не самое плохое место для выезда с классом на пару дней.

Дело оставалось за малым — убедить администрацию и еще одного сопровождающего учителя. У меня как раз был на уме подходящий кандидат. Собственно, для знакомства с ней я и устроился в простую общеобразовательную школу. Именно в ней преподавала жена одного малоизвестного художника Дмитрия Тихонова.

На книгу с его иллюстрациями я тоже наткнулся в библиотеке. Многие из его картин изображали старый город таким, будто Тихонов прежде видел его. По моей же информации, Дмитрий родился уже в Чернозерске.

Карину Тихонову я встретил на большой перемене. Она совершенно не выглядела на свои сорок лет: миниатюрная, с острым личиком, теплым взглядом за прямоугольными очками и аккуратным темным пучком. Они с дочерью имели поразительное сходство, возможно, оттого и общались скорее как сестры.

— Роман, ты кого-то потерял? — Карина только вышла из кабинета после звонка.

— Да вас и искал, — согласился я. — Найдется пара минут?

— До самого урока свободна. — Она чуть наклонила голову. — Чем могу быть полезна?

— Слышали о призовой экскурсии? — как бы невзначай спросил я. — Я выбрал отличное место и искал второго сопровождающего.

— Ого! И что же ты такое интересное нашел?

— Слышали о затопленном городе на дне Чернозерского водохранилища? Последнее время из-за засухи вода отступила, и стало лучше видно многие руины на островах. Я подумал, здорово было бы прокатиться там на теплоходе. А на берегу база отдыха есть.

— Чернозерск. Вот как. — Карина задумчиво кивнула. — Лика тоже снова вспоминала о нем недавно. Может, мне класс вместе с вашим свозить.

— Так вы не против? — Я удивился такому быстрому решению. — Мне казалось, вы раньше говорили о тех местах неохотно.

— Потому что ничего хорошего там нет, — холодно ответила она. — Разве что руины детям интересно посмотреть будет. Называют же тот Старый город русской Атлантидой. Пафосно, конечно, но любопытно и самой взглянуть. Так что, найдутся места в автобусе?

— Для вас найду! — Такой шанс действительно порадовал. — Тогда договорились, пойду оформлять поездку.

Во всем этом чувствовалось что-то неправильное. В первые разы, когда я начинал разговор о Дмитрии или Верме, Карина уходила от темы или заканчивала разговор. Ей не хотелось ворошить тяжелые воспоминания. Еще тогда я впервые испытал смутный укол вины.

Уже вечером я намеренно задержался допоздна. Карина как раз проводила родительское собрание.

Лика дожидалась ее на крыльце школы, задумчиво рисуя в блокноте. В вечернем свете ее темные волосы отливали золотыми искорками. На бледном лице не было ни следа румянца, и только большие бирюзовые глаза выделялись ярким пятном.

Я обошел ее и заглянул через плечо. На плотном желтоватом листе отчетливо угадывалось лесное озеро, и над его поверхностью вставало солнце. Почему-то не возникало сомнений, что передо мной именно рассвет.

— Ты рисуешь куда лучше, чем я думал.

— Что? — Лика резко обернулась и вздрогнула. — Рома! Перестань уже так делать!

— А ты не витай в облаках — это небезопасно. Пытаешься нарисовать то озеро? — Я указал на рисунок.

— Вроде того, — быстро согласилась Лика. — В той книге, что ты приносил, были неплохие фотографии.

— А как насчет съездить туда?

— Как ты себе это представляешь? Мама в жизни меня туда не отпустит.

— Может быть, одну и не отпустит. Думаю, у нас есть все шансы на совместный визит к озеру. — Я лениво потянулся. — Мне как раз выделили неплохие деньги на историческую экскурсионную программу. Почему бы и не к Верме, мм?

— Шутишь? — Глаза девушки вспыхнули. — Если нет, то я уговорю маму и попробую дозвониться до Чернозерского музея!

— С первой частью я уже справился. — Я махнул рукой, словно это был пустяк. — Краеведов и экскурсоводов оставляю на тебя.

И Лика сделала все самое трудное: вызвонила сотрудников музея, администрации, порта и турбазы. А я привел ее мать к тому теплоходу... Всех привел.

Днем мне удавалось думать о чем-то другом, но как только голова касалась подушки, память возвращала меня на борт теплохода. Сердце больно стучало о ребра. По спине холодной волной пробегала дрожь, я заворачивался плотнее в одеяло и лежал, следя за колыханием штор и прислушиваясь к стуку дождя по металлическому подоконнику.

Каждую деталь того плаванья словно выжгло в памяти. Я ночь за ночью снова захлебывался в ледяной воде...

...И через силу заставлял себя двигаться. Теплоход уже не удавалось разглядеть из-за волн. Ближайший остров показался из воды в сотне метрах от нас, что в мыслях казалось вполне реальным расстоянием.

Не знаю, сколько прошло времени, но мне начало казаться, что Оля выскальзывает из рук. Она вся обмякла и никак не реагировала на крики и тряску. Сил помогать ей почти не осталось. И я представления не имел, что делать дальше.

Тут нас подхватило течение, потащив за собой на глубину. Руки сделались ватными и едва слушались, пальцы не гнулись. Я отчаянно вскинул голову в попытке различить свет над поверхностью, но перед глазами стояла лишь мутная водная толща.

Сознание уплывало, легкие горели. Почти утратив последние крохи разума, я, казалось, увидел на мгновение под собой далекие силуэты домов. Над ними вода была прозрачной и рябила точно мираж. Казалось, в окнах даже горел свет.

Завязки Олиного жилета ослабли настолько, что не могли больше удерживать тело, и в следующую секунду девушка пропала, подхваченная потоком. Я почти не осознал этого. Рука так и сжималась на оранжевой ткани, сминая ее. Течение сразу же пропало. Затем меня буквально вытолкнуло на поверхность.

Впереди неровным забором высился густой кустарник. До острова оставалось не больше трех метров. И вот я почувствовал под ногами вязкий ил. В нескольких отчаянных гребков мне удалось добраться и начать ползти к берегу.

Остров оказался совсем маленьким. Я выбрался из воды и сбросил тяжелую одежду. Как бы сильно ни хотелось просто лежать неподвижно на сырой земле, такая передышка могла закончиться переохлаждением. Необходимо было подняться и начать ходить, чтобы немного согреться.

В самом центре острова остатки кирпичной стены образовали своеобразное укрытие, напоминавшее пещеру. Она стала настоящим спасением. Как и найденная в пачке отобранных сигарет пластиковая зажигалка.

Из собранного на земле относительно сухого мусора и веток я собрал небольшой костер. Долго чиркал зажигалкой, терзая непослушные пальцы, но в итоге победил. Одежду я выжал и развесил на торчащих осколках красного кирпича.

Телефон хоть и оказался в плотно закрытом кармане, но его все равно залило водой. Первое время я сидел на разложенных жилетах и смотрел на огонь. Меня бил сильный озноб, трясло, болели легкие, руки и ноги. Пришлось лечь прямо на землю.

Той ночью я не спал. Все крутился с боку на бок и думал. Думал, что моя ученица, скорее всего, погибла. Что теплоход мог пострадать от таких волн. Что меня могут вовремя не найти.

До самого утра дул ветер, принося грохот волн, разбивавшихся о каменистую часть берега. Над головой шуршали тонкие ветки. Костер быстро потух, едва подсушив рубашку и штаны.

Когда рассвело, я встал, побрел босиком к берегу и начал размахивать спасательным жилетом. Надеялся, что кто-нибудь увидит, хотя бы силуэт и яркое пятно. Встретились же нам прошлым днем рыбаки.

Мне повезло. По крайней мере, тогда я так подумал.

Спасательный катер появился на горизонте почти сразу. Уже на борту я узнал, что произошло с учениками и Кариной. В голове подобное никак не укладывалось. Меня затрясло так, что едва удавалось удержать в руках кружку с кипятком.

— А вы находили неподалеку девушку лет семнадцати? Может, на других островках? — Я заикался. — Ее зовут Оля. Светлые волосы, голубая куртка и обруч. Голубой.

— Среди спасенных нет ни одной Оли, простите... — На плечи легло еще одно одеяло. — Отдохните пока, мы делаем что можем. Вы же понимаете.

Понимал. Глаза слипались, и я только кивнул в ответ, на минуту сомкнув тяжелые веки. Проснулся уже в больнице. Олю так и не нашли.

Вернуть себя к настоящему удалось не сразу. Дорога петляла, но все так же вела меня в город.

Я приоткрыл окно и несколько раз глубоко вдохнул, убеждая себя, что все в порядке. Впереди показались длинные двухэтажные дома. Покатые крыши прятались за заснеженными ветвями деревьев. По бокам к зданиям жались старенькие деревянные домики, окруженные хлипкими заборами. На улицах еще горели редкие фонари, но квадраты окон оставались темными. С неба мягко падали крупные белые хлопья.

На обочине одиноко стоял дорожный знак, где на светло-синем фоне значилось «Чернозерск». Фонари погасли. Приборная панель замигала, громко захрипело выключенное радио, и я въехал в город.



VIII. Лика. Нежданная встреча

До пятницы за мной наблюдали в больнице. Ноги постепенно начинали слушаться лучше. Первое же время подниматься приходилось аккуратно, держась за железную спинку кровати. Чтобы быстрее восстановиться, я ходила по больничному коридору вдоль стены и старательно пыталась принять все странные события, что со мной произошли.

Алина заходила по вечерам проводить меня, но длинных разговоров больше не случилось. Она немного рассказала о городе и домах, которые успели перенести из Вермы и заново отстроить в Чернозерске, и рекомендовала заглянуть в местное кафе, как выпишусь. Там иногда еще собирались люди, проживавшие в Старом городе.

Странник больше не появлялся у меня в палате. Иногда я краем глаза замечала его среди проходивших мимо людей, но он тут же исчезал. У меня возникало все больше вопросов, но он, похоже, был не готов на них ответить. Оставалось только ждать и надеяться.

Наконец наступил день выписки. Я заглянула в мамину палату и вышла на крыльцо. Декабрьское утро еще не расцвело. На плохо освещенных ступенях лежал толстый слой утрамбованного снега.

Каждый порыв ветра пробирал до костей. Зимней одежды я с собой в Чернозерск не привезла. Самыми теплыми вещами оказались шерстяное пальто, мамин кашемировый шарф и кожаные сапоги.

Некоторое время я просто стояла, наслаждаясь свободой и тишиной. После душной палаты и запаха лекарств морозный воздух казался настоящим чудом.

Меньше всего хотелось возвращаться в гостиницу. Стоило только представить холодные темные коридоры и запах застоявшейся пыли на коврах, как по спине пробежала дрожь. Да и автобус по городу больше не ходил.

Оставалась еще одна вещь, которую я очень хотела проверить. Для этого мне нужно было добраться до озера. К счастью, один из выписавшихся со мной мужчин, знакомый по бесконечному дню, согласился подбросить.

У базы отдыха черным зеркалом сверкала озерная гладь. Лед обрамлял его хрустальным ободом, но никак не мог пробраться дальше. Алина рассказывала, что озеро всегда замерзает неравномерно.

Маленькие деревянные домики темнели на фоне нетронутого снега. Доски длинного пирса поскрипывали под ногами. От горизонта поднимались розовые облака, прогоняя остатки ночи. К воде тянулась цепочка следов.

Впереди, на самом краю пирса одиноко стоял мужчина. Серое пальто на нем, казалось, не толще моего, а светлые, почти белые волосы трепал ветер. Мужчина обернулся, услышав совсем рядом мои шаги. На знакомом красивом лице появилась улыбка.

— Здравствуй, Лика. Вот уж не ожидал тебя здесь увидеть! — Зеленые глаза сверкнули озорством. — Тоже приехала встречать рассвет?

— Очень смешно, Ром! Будто сам не понимаешь, что нас обоих сюда привело. — Я ворчала скорее по привычке. — Привет. Я рада тебя видеть!

— Могу себе представить. — Рома положил руку мне на плечо. — Тебя уже выписали? Я думал, у меня еще есть пара дней.

Внутри стало вдруг как-то теплее. Передо мной наконец стоял человек из прежней, нормальной жизни. Роман работал с мамой довольно давно. Он был действительно хорошим историком, постоянно устраивал экскурсии в маленькие краевые музеи или к полузабытым памятникам и очень интересовался родным городом моего отца. Да и самим папой.

— Мне и правда пришлось настаивать на выписке. Ненавижу больницы. — Я постаралась улыбнуться. — К тому же из окна там не видно рассветов.

— Тогда ты все правильно сделала! — Рома кивнул. — Что планируешь дальше? Вернуться жить в гостиницу?

— Не хотелось бы туда возвращаться. Место не самое приятное, если хочешь знать. — Я поморщилась.

— Могу себе представить.

Рома взглянул куда-то за мое плечо и, казалось, задумался. Потом испытующе посмотрел в глаза. Он выглядел усталым и немного дерганным.

— Как насчет подыскать здесь жилье на время? Поближе к больнице. Так тебе не придется снова садиться в тот автобус.

— Мысль хорошая, — начала я, — Да и автобус больше не ходит. В больнице я слышала, что водитель погиб. Мне еще повезло.

— Да, я тоже слышал. — Рома прокашлялся. — Хорошо, что остальные не так сильно пострадали. Рад, что ты в порядке, правда. А как насчет снять квартиру? Из меня выйдет примерный сосед.

Звучало довольно неожиданно. Прежде я жила только с мамой, и разве что в детстве оставалась ночевать у подруг. Разумеется, знать, что за тобой присматривают, неплохо. Вот только представить Рому своим соседом не получалось.

— Так что? — Он продолжал пристально смотреть.

— Не уверена. — Я опустила взгляд. — Если честно, никогда не представляла себя делящей с кем-то личное пространство.

— Так не дели. — Рома пожал плечами. — Найдем большую квартиру, где почти не будем сталкиваться. Тебе уже двадцать! Не выдумывай, нет в этом ничего такого.

— Ладно. Может, это и неплохая идея. — Мне определенно не хотелось в гостиницу. — Есть одна девушка, помогавшая мне в больнице. Она сегодня взяла выходной, но оставила адрес и предложила помощь. Думаю, случай подходящий, и стоит спросить про приличное жилье.

— Да ты, я погляжу, уже вполне прижилась в городе! Идея отличная, говори, куда ехать.

Мы побрели к Роминой машине, обсуждая улицы города и полузаброшенные дома на окраинах. Что за жилье здесь могло быть? В Чернозерске было немного работы, и местные чаще всего устраивались на электростанцию. Туристам же хватало и гостиницы с базой отдыха.

Ветер проникал сквозь легкую одежду, но я старалась дрожать как можно незаметнее. В один момент шею и плечи укутал теплый клетчатый шарф.

Рома только улыбнулся и пошел чуть быстрее. Обогнув капот, он приблизился к водительской двери, распахнул ее и внезапно замер, глядя на пассажирское сиденье перед собой. Там ярким пятном на черной коже красовался обруч. Голубой женский ободок почему-то заставил Рому вздрогнуть.

Мне вспомнилась его невеста. Несколько раз мы сталкивались с ней в школе или на праздниках. Аня умела произвести впечатление: в ее умных карих глазах горели огоньки живого интереса ко всему на свете, тонкие руки всегда находились в движении, когда она увлеченно рассказывала очередную невероятную историю. Мне никак не виделся обруч в ее хаотично собранных черных волосах. Обычно заколкой ей служили модные очки или наточенный карандаш, удерживающий тяжелый пучок.

Рома побледнел и резким движением отбросил обруч к задним сиденьям, словно тот жег ему руку. Секунду он понаблюдал, будто ожидая, что тот решит вернуться обратно. Я смущенно отряхнула сапоги и села в машину. Рома сделал так же.

— Кстати, как там Аня? — Я постаралась сделать вид, что не заметила его напряжения.

— Понятия не имею, если честно. Мы виделись в последний раз еще до... — Рома осекся, — всего, что случилось. Она уехала в «экспедицию» со своей группой и не вернулась еще.

Он замолчал. Машина двигалась вдоль невысоких серых домов и серебристых от инея деревьев. Небо заволокли плотные облака.

— Давно приехал в город?

— Прямо перед нашей встречей. Не мог больше отсиживаться дома и делать вид, что ничего не произошло. Тем более не представляю, как смогу вернуться и вести уроки. — Рома оторвал внимательный взгляд от дороги. — А ты не собираешься съездить домой?

— Мне там нечего делать. — Я вздохнула и покачала головой. — С документами все давно решено, за квартирой следит соседка. Мне не хочется оставлять маму совсем одну в чужом городе.

— Сама как будто не одна тут осталась.

Мы свернули с главной улицы и ползли вдоль высоких сугробов. Среди квадратных домиков начали попадаться длинные серые бараки. Когда-то их считали временным жильем. Потом, очевидно, смирились.

— О себе я позаботиться могу. У нас с мамой был общий счет в банке — хотели снова переехать за город и копили понемногу. Много тратить оттуда не хотелось бы, но на какое-то время хватит. — Я вдруг ощутила ком в горле. — Ром, что я пропустила?

— Ты про новости? Их не так много. — Он помолчал немного и продолжил: — Про гида и механика ты знаешь, жаль их. Пятеро старших детей так и не пришли в себя, как и Карина. Прогнозов никаких нет. Еще у троих переохлаждение. Насколько я знаю, их еще не выписывали. Остальных как подменили: им едва удастся сконцентрироваться, они почти не разговаривают, едва могут вспомнить о катастрофе. Олю так и не нашли.

— Понятно, — пробормотала я. — Тебя больше не вызывали давать показания?

— Нет. Да и что еще я мог им рассказать? Мне и самому хотелось бы знать, как такое могло произойти.

За окнами показались знакомые постройки и больница. От них к озеру тянулась узкая улица. Я старалась не смотреть на дорогу вдоль парка и не искать глазами то место, где последний раз видела Павла Семеновича.

Мы миновали гостиницу и оказались у частного двухэтажного дома с невысоким забором. Алина, увидев подъехавшую машину, вышла навстречу через заснеженный сад. На светлых, собранных на затылке волосах девушки блестел снег, а лицо прикрывал широкий шарф.

Мы выбрались из машины, поздоровались и присели на очищенную от снега скамейку недалеко от ограды.

— Вы все-таки заехали. Рада, что вас наконец выписали! — Алина приветливо кивнула Роме: — Видела вас в больнице.

— А я слышал о вас от Лики. — Рома улыбнулся. — Извините, что побеспокоили. Может, вы знаете, не сдает ли кто из местных двухкомнатную квартиру? Думаю, Лике не стоит больше оставаться одной и жить в гостинице.

— Помню, вы рассказывали о друге вашего отца, — добавила я. — У его семьи, кажется, было что-то вроде маленького доходного дома почти на берегу озера.

— Да, — задумчиво ответила Алина. — Дом как раз из Вермы перенесли, вам должен понравиться. На втором этаже есть вполне симпатичная квартирка. До больницы оттуда пешком минут пятнадцать, не больше. Вот только хозяин за ним не то чтобы внимательно следит. Там лет десять назад произошел очень неприятный случай, и городские не любят то место.

— А сам хозяин там не живет? — поинтересовался Роман.

— Нет. Он давно переехал за город, ближе к болотам. — Она перевела на меня потеплевший взгляд. — Там неподалеку когда-то жил еще один папин друг. В еще одном очень старом доме.

— Расскажите как-нибудь? — попросила я.

— Обязательно зайду в гости, как устроитесь, и поболтаем. — Алина поднялась на ноги. — Сейчас запишу вам адрес и нарисую, как проехать.

Она сходила в дом и вернулась через пару минут с небольшим листком бумаги.

— Я позвонила Аркадию. Он будет ждать вас по адресу в половину шестого. А до этого предлагаю вам посидеть в кафе. Готовят там замечательно.

— А это неплохая мысль, — воодушевился Рома, — я бы выпил кофе. Да и поесть не помешает.

— Вы про кафе «Маяк»? — догадалась я. — То, что на центральной площади?

— Про него. — Алина прошла с нами до машины. — Его Нина держит. Отличная женщина, да и готовит вкусно. Сможете у нее о Старом городе поспрашивать, если будет в настроении. Удачи вам, звоните, как устроитесь!

Машина едва не увязла в сугробах, но мы все же сумели добраться до центральных улиц. Остановившись у одноэтажного здания «Маяка», Рома внимательно осмотрелся.

Площадь напоминала ледяную пустыню. В самом центре нетронутого снежного покрова на щербатом постаменте высился потемневший бронзовый бюст. Вокруг стояли четыре покосившиеся скамейки и урна. Низенькие прямоугольные дома могли похвастаться разве что недавней покраской в светлую охру.

«Маяк» сильно от них отличался, словно призрак далекой эпохи. Сквозь штукатурку местами проглядывала каменная кладка, а на деревянных рамах угадывались следы резьбы.

— Ну что, пойдем посмотрим на Нину! — с напускным энтузиазмом сказал Рома.

Мы шагнули в теплое затемненное помещение. Все окна прикрывали плотные занавески. Столики располагались вдоль стен, освобождая в центре пространство, чтобы удобно разглядывать витрину.

На стойке я заметила короткое рукописное меню. Рома прошелся по залу, оглядывая стены, столики и стулья. Выглядел он довольным. В кафе действительно было чисто и ничем не пахло.

Нина оказалась худой и угрюмой женщиной без возраста. Карие глаза смотрели на незнакомцев внимательно и строго. Я поняла, что сразу делиться с нами историями она точно не станет. Поставив перед нами заказ, она пожелала приятного аппетита и скрылась на кухне.

К еде было не придираться. Не могу и припомнить, когда пробовала настолько вкусные и в то же время простые блюда. Рома, кажется, тоже остался доволен, попивая свой сладкий кофе с пирожком.

— Тут поразительно чисто, — сказал он. — Ни пылинки даже на рамах картин, и скатерти с салфетками новые.

— Ты не на ревизию, часом, пришел? — хмыкнула я. — К чему такая дотошность. Нам бы плохого не посоветовали.

— Что для одного хорошо, для другого — смерть, — парировал он. — Чистота, знаешь ли, очень важна. Видела, сколько здесь фотографий Вермы?

— Да. Стоит как-нибудь подружиться с хозяйкой. Тебе будет особенно полезно. Да и не сложно, мне кажется. Обсудите чистоту и порядок.

Еще немного поболтав и перекусив, мы дождались нужного часа и отправились по указанному Алиной адресу.

Хозяин ждал нас в едва освещенном подъезде двухэтажного дома. Я взглянула на друга Павла Семеновича с некоторым удивлением. Алина описывала его несколько иначе.

Высокий сторбленный мужчина в мешковатой одежде нервно спустился по ступеням к нам навстречу, сжав руки в кулаки. Водянистые, почти прозрачные глаза, окруженные глубокими морщинами, смотрели в пространство между нами.

— Женаты? — с ходу спросил он.

— Здравствуйте! Нет, а это вам важно? — Рома подошел к домовладельцу чуть ближе.

— Нет. Уже нет, конечно. — Аркадий Львович быстро собрался с мыслями и коснулся протянутой в приветствии ладони. — Здравствуйте, молодые люди! Пойдемте, все вам покажу.

На второй этаж вела пологая лестница с витыми перилами. В самом верху пыльного окна угадывался чуть выцветший витраж. Массивные двери украшали литые ручки.

Едва я перешагнула порог и вдохнула первый глоток воздуха — в груди разлилось полузабытое тепло. У квартиры ощущался собственный дух: так пахла теплая рассыпчатая пудра.

Рома направился осматривать кухню и ванную, деловито уточняя состояние техники в доме. Я же провела рукой по шершавым бумажным обоям. Нежный цветочный орнамент напоминал кружево. Лакированная мебель блестела в солнечных лучах. Под ногами не скрипнула ни одна дощечка паркета. Кто бы ни жил здесь раньше, он очень любил это место.

Самой небольшой и приятной оказалась комната рядом с кухней. Окна выходили на берег озера. На стенах висели две немного блеклые акварели и застекленные книжные полки над резной деревянной кроватью. Пусть время и оставило на каждом предмете отпечаток, они все выглядели готовыми простоять на своих местах еще не один век.

Рома окликнул меня из-за двери напротив. Он с довольным видом позвал взглянуть на выбранную им комнату. Она напоминала рабочий кабинет. Свет едва проникал сквозь тяжелые льняные шторы и отражался от поверхности массивного рабочего стола в дальнем углу. Узкая тахта примостилась у стены напротив застекленного стеллажа, полного книг.

Думать мы не стали. Я почувствовала в доме нечто знакомое и даже уютное. Рома передал Аркадию Львовичу залог, составил расписку и наконец закрыл за хозяином дверь.

— Заметила, что телефоны здесь не ловят? — спросил Рома.

— Серьезно? — Я удивленно посмотрела на значок в углу экрана. — Ни в одной комнате?

— Да. И на лестнице тоже, так что для разговоров придется выходить во двор. — Он с усилием потер глаза. — Ты не против, если я сейчас пойду спать? Сил уже никаких нет.

— Конечно! Я осмотрюсь пока, отдохай. Может, схожу до ближайшего магазина. Здесь даже чая нет.

— Будь осторожна. Сама слышала, во всем доме больше нет никого. Да и сам город как-то пустоват, — он зевнул и ушел в свою комнату.

Шкафчики на кухне оказались пусты, как и низенький холодильник, который мы только-только включили. Он хоть и тарахтел, как сытый кот, пользы не принес. Да и самой мне хотелось еще немного пройтись на свежем воздухе после стольких-то дней в больнице.

На улице сгущались сумерки. Дверь подъезда хлопнула за спиной с глухим звуком. По спине пробежал холодок. Я списала его на осеннее пальто.

Все вокруг выглядело чужим и незнакомым. Замерцали и зажглись редкие уличные огни. Я шла по узкой дорожке, глядя под ноги, и старалась выключить ту часть моего сознания, что билась над решением загадок последних дней.

В окнах соседних домов почти не горел свет. Фонари качались от ветра и скрипели. Небольшой магазинчик стоял занесенный снегом на углу улицы. Не знаю уж, чего ожидала в нем увидеть, но обнаружила ассортимент самого обыкновенного продуктового ларька.

Набрав два пакета самого необходимого на первое время, я направилась к дому. На улице мне не встретилось ни души. В окнах домов кое-где мерцали голубым и серым экраны телевизоров или бледные лампы. Тишину нарушал только скрип снега под подошвами.

У одного из высоких бетонных столбов впереди я увидела знакомую фигуру. Сердце забило чаще. Я ускорила шаг. В лучах бледного света фонаря стоял мужчина, держа руки в карманах брюк. Куртка была все так же расстегнута, а снег не оседал на темных волосах.

Странник вернулся.



IX. Лика. Маленький гость

— Значит, ты мне не приснился? — Я остановилась рядом.

— Нет. — Странник покачал головой. — Прости, что свалил на тебя столько информации и пропал. Я пытался найти другие петли. Подумал, вдруг что-то изменится с твоим вращением. И приглядеться к тому месту, где пострадала твоя мама. Ничего, правда, толком не обнаружил.

— Вот как. — Стало немного обидно. — Честно говоря, я уже не знала, появишься ли ты снова. Долго искал меня?

— Не особо. Догадался, что ты захочешь жить поближе к больнице. И озеру.

Странник на секунду опустил взгляд и нахмурился. В позе его читалось напряжение. На сугробе, под высокими ботинками, не было ни единого следа. Мысль об этом нервировала. К подобному было сложно привыкнуть.

— Думаю, мне нужно кое-что рассказать, — Странник пожал плечами. — Тот человек, с которым ты здесь поселилась, попадался мне в больнице. Он навещал не только вас, но и капитана теплохода. Не знаю, что ему нужно, но парень не просто так вернулся в город.

— Сложно сказать, о чем именно он думает, — возразила я. — Но ему та катастрофа принесла не меньше бед. Возможно, он винит себя. Или, наоборот, считает, что виноват тот капитан, вот и захотел заглянуть в глаза. Может, мне тоже хотелось бы решиться подойти к нему и спросить, зачем он повез их.

— Уже не спросишь, — тихо ответил Странник. — Капитан больше не приходил в себя.

К глазам подступили слезы. Я отвернулась, подхватила сумку и зашагала к дому. Идти приходилось по обочине дороги — тротуары никто и не думал чистить. Вокруг стояла мертвая тишина: ни машин, ни прохожих; только ветер шуршал в деревьях.

— Я не хотел расстраивать тебя. — Странник последовал за мной. — Просто его поведение выглядело странным.

— А что не странно? — горько усмехнулась я. — У тебя вот ни тени нет, ни следов.

— Ты права. Что собираешься делать дальше?

— Не знаю. — Я пнула заледевший комок снега. — Буду ждать, когда маме станет лучше и она придет в себя. А пока поброжу по городу, поспрашиваю про семью отца.

— Твои родственники тут жили? — искренне удивился Странник.

— Когда-то очень давно. Отец о них рассказывал немного, но я даже фотографий не видела. Мне очень давно хотелось разузнать что-нибудь.

— Ты за этим сюда приехала?

В лицо ударил порыв колючего ветра. Я растерянно остановилась. Если быть честной, мне и самой хотелось знать ответ. Возможно, он был не один.

— Лика! — донеслось вдруг с противоположного конца улицы.

Я обернулась на голос. Через проезжую часть прямо по диагонали бежал Костя. Помпон на макушке подпрыгивал при каждом движении. За плечами мальчика из стороны в сторону болтался огромный квадратный рюкзак, очки безнадежно съехали, из кармана торчал острый край какой-то бумажки.

Костя кинулся ко мне, крепко обнял и уткнулся лицом в куртку. Я немного покачала его и стряхнула с шапки снег. Затем Костя неохотно отстранился и недоверчиво оглядел меня:

— Привет! Почему ты не позвонила, когда тебя выписали? Я волновался! Всю больницу обошел! — выпалил он.

— Здравствуй. Давай потом все обсудим. Ты весь ледяной! — Я прижала ладони к его щекам. — Пойдем в дом скорее! Там расскажешь, каким ветром тебя в Чернозерск занесло.

— Подожди, а с кем ты тут только что разговаривала? — Костя огляделся.

— С невидимым другом, — ответила я. — Пойдем в тепло, говорю!

— И как же его зовут? — недоверчиво спросил Костя и побрел рядом.

— Странник.

Сам Странник усмехнулся и выгнул бровь. Он и не думал никуда исчезать, шел себе чуть впереди и наблюдал за нами.

— А покороче нельзя было? — спросил вдруг Костя. — Неудобно же! Вот как ты будешь кричать ему, если что-то случится?

— И правда. — Я усмехнулась. — Позже вместе что-нибудь придумаем. Расскажи-ка, как ты меня нашел?

— Девушка в больнице дала номер медсестры, с которой ты общалась, а та рассказала, где ты теперь живешь. — Костя чихнул. — Давай ты меня попозже допросишь? Я не ел с прошлого вечера.

Возражений не нашлось. Дом, похожий на деревянную шкатулку с черепичной крышей, уже выглядывал из-за поворота. Костя трещал, как сорока, восторженно описывая все, что увидел по дороге.

В квартире было тихо. Рома, кажется, все еще спал. Мы сняли куртки, отряхнули с брюк снег и отправились на кухню. Я налила мальчику чай, сделала пару бутербродов и села напротив. Из радио на стене лилась тихая музыка, в углу тарахтел холодильник.

Костя проглатывал еду, почти не пережевывая. Странник наблюдал за ним из дальнего угла кухни, размышляя о чем-то явно нерадостном.

— Так как ты добрался до Чернозерска? — Я постаралась напустить строгий вид. — Прямого транспорта сюда не ходит.

— На электричках добрался. С пересадками, — невозмутимо выдал Костя. — Ты знала, что на электричках можно до Владивостока доехать?

— И сколько же это займет? — Мне стало любопытно.

— Примерно месяц! — Костя протер запотевшие очки салфеткой. — От станции сел на междугородный автобус. Он до самой базы отдыха доходит. Потом пешком до больницы пошел.

— Смелый парнишка, — одобрил Странник.

— Ты ведь заблудиться мог! — Я тяжело вздохнула и протянула еще бутерброд. — И замерзнуть. И как мама тебя одного отпустила?

— Никак. — Костя помрачнел. — Она теперь берет две-три смены подряд и спит прямо на работе. Как Оля пропала, я ее почти и не видел. А отец... Ну, ты сама понимаешь. Ему и повод не нужен, чтобы забыть о моем существовании.

— И ты решил сбежать? — Я отвернулась, чтобы Костя не видел моих глаз.

— Я не сбегал. Оставил письмо. — Голос дрогнул. — Они же знают, что вы с Кариной Александровной в Чернозерске пока живете.

— Но в каком она состоянии, ты, конечно, уточнять для них не стал, — мне стало понятно, как он все это провернул. — Костя, всем сейчас непросто. Нельзя просто брать и убегать каждый раз, когда трудно.

— Я же не каждый раз! — Он сразу поник. — И я привез тебе теплые вещи. Зима на дворе.

— Этот день полон неожиданностей. У нас, оказывается, гости. Надо же, в одиннадцать лет мальчик один проделал такой путь! А еще говорят, дети несамостоятельные стали.

У входа на кухню стоял Рома, облокотившись плечом о стену. Он неотрывно смотрел на Костю. Я не могла прочесть его взгляд. Несмотря на слова, в интонации не слышалось привычной мягкости. Я поняла вдруг, о чем говорил мне Странник. Раньше я совсем не замечала подобных противоречий. Он будто из последних сил сдерживал себя.

— Мне двенадцать! — автоматически ответил Костя, но, похоже, узнав голос, вскочил со стула и обернулся: — Здравствуйте, Роман Викторович! Что вы здесь делаете?

— Можно просто Роман. Мы не в школе... — Рома задумчиво потер подбородок. — Значит, ты был сегодня у озера? Утром, верно?

— Меня довезли только туда, да, — Костя отвел глаза. — Потом я шел вдоль дороги. А потом медсестра в больнице дала адрес Лики. Я сказал ей, что на улице меня ждут родители.

— Вот как. — Похоже, Рому интересовало вовсе не это. — Значит, ты и машину мою видел?

— Машину? — Мальчик присел обратно и сделал большой глоток чая. — Не обратил внимание. Скажите, Роман, а зачем вы в Черноезерск приехали?

— У меня тут есть свои дела. В отличие от некоторых незваных гостей.

— Ладно, — вмешалась я, — отведу Костю в дальнюю комнату. Я там еще не прибиралась, но одну ночь, думаю, потерпит.

— Одну ночь, — выразительно сказал Рома нам вслед.

В темном коридоре приходилось двигаться практически на ощупь. Свободная спальня от пола до потолка полнилась книжными шкафами. Среди них втиснулся столик с придвинутым мягким стулом. Края бархатистых штор опускались на небольшую деревянную кровать, украшенную множеством подушек.

Я вручила Косте стопку постельного белья и забрала те вещи, что он привез. Мальчик выглядел мрачным.

— Почему он живет здесь с тобой? — спросил он.

— Он не живет «со мной». Вдвоем гораздо дешевле снимать квартиру. — Я принялась помогать с пододеяльником. — Да и рядом со знакомым человеком спокойней.

— Думаешь, хорошо его знаешь? Не смейся! Он раньше только и делал, что выпрашивал что-то о вас с Кариной Александровной. И с Олей переписывался о чем-то. Я сам видел! А потом она... — Он будто твердый комок проглотил.

— И правда. — Я вздрогнула, заметив, что Странник последовал за нами в комнату. — Уверена, что хорошо знаешь своего нового соседа?

Мне не хотелось поднимать эту тему. Слишком тяжело нам давались воспоминания. Боль быстро поглощала здравый смысл. Особенно Костина, ведь он был на том проклятом теплоходе и несколько дней после спасения не мог произнести ни слова, только дрожал всем телом и смотрел в одну точку.

— Кость, я знаю, что тебе тяжело. Мы обязательно что-нибудь придумаем. Я поговорю с главой администрации о возобновлении поисков. Может, в ближайших к водохранилищу городах снова опросят людей. — Мне тоже тяжело давались слова. — Но тебе нельзя думать только об этом, и нельзя искать виноватых.

— Да понял я! Все, хватит наставлений. Просто будь внимательна. — Он подтолкнул меня в сторону двери. — Спокойной ночи!

На кухне еще горел свет. Рома ждал за столом. Судя по обломкам сушек вокруг, прибывал он не в самом хорошем расположении духа.

Я прошла к плите, поставила чайник и заварила Эрл Грей. Мама любила говорить: «Свежий чай — это лекарство, старый чай — яд».

— Кто будет отвечать за мальчишку? — Рома сложил руки на груди.

— Как будто за него когда-то отвечали. — Я наполнила чашки и выложила в тарелку новые сушки. Разговор мог получиться долгим. — Почему ты сердишься?

— Потому что! Как ты собираешься отвечать за ребенка, когда сама, можно сказать, без матери осталась и только из больницы вышла? — Он запнулся и поджал губы. — Прости, я не то имел в виду. Это было лишним.

— Ничего. — Я притворилась спокойной. — Ты прав. Жить одной оказалось куда труднее, чем я думала. Раньше мне этого хотелось, а теперь готова все отдать, лишь вернуть как было. Но ты не видел, в каких условиях Косте приходится жить. Пожалуйста, дай ему хоть пару дней провести с людьми, которым он небезразличен. Когда мама придет в себя, она будет рада его увидеть.

— Возможно. Но ты не заметила, что мальчишка не очень-то меня жалует? И это, в целом, неудивительно, если учесть, что произошло с его сестрой. — Рома сделал глоток и отставил чашку. — Ладно. Думаю, пару дней я как-нибудь пригляжу за вами обоими. Но завтра позвоню родителям мальчика и сообщу, откуда его забрать. Даже не спорь! А теперь иди спать, пока я не передумал.

— Я и сама за собой пригляжу, так что не стоит напрягаться. — Я проводила Рому взглядом до коридора. — Спасибо тебе. И спокойной ночи.

Чая больше не хотелось. Я вылила его в раковину и отправилась в комнату. На кровати стопкой лежала одежда. Костя привез Олин шерстяной свитер, фланелевую пижаму и теплые носки. Как же он жил один, окруженный вещами пропавшей сестры и забытый собственными родителями?

Я легла на холодную чужую кровать и прижала к груди не распакованные вещи. На глаза наворачивались слезы. Незнакомый, продуваемый ветрами город давил. Однако событий дня оказалось слишком много, чтобы подобное чувство помешало уснуть.

Странник. Шагая над бездной

Озеро притягивает. Я снова не заметил, как оказался на берегу, вглядываясь в далекие огни под черными водами. Мне хочется погрузиться, проникнуть на затопленные улицы и коснуться каменных стен. Я остро чувствую, что там мое место. Там заперто мое прошлое.

Что-то не пускает меня. Я бреду и бреду по поверхности водохранилища, как по стеклу, и никак не могу преодолеть незримую границу. Только над ней меня иногда посещают обрывки воспоминаний. Они видятся словно сны, сбивчивые и смазанные. Лишенные деталей и лиц. Словно из головы когда-то вынули те детали и винтики, что делали меня собой. И кто я теперь без них?

Но не прошлое беспокоит меня. В настоящем тоже творится неладное. От прежнего меня, каким бы он ни был, остался лишь призрак, привязанный к Черному озеру.

Девчонку оно тоже притягивает. Лица этого просто еще не поняла. Она еще не видела самого поразительного: оживающих порой под озерной гладью улиц Вермы, залитых золотым светом. Но все же пришла этим утром на берег.

Лица назвала меня Странником. Теперь наконец я обрел имя. Появился человек, с которым я могу разговаривать. И еще, мне кажется, что девчонка как-то влияет на границы временных пузырей. Делает проницаемыми. Или, быть может, ей просто везет находить их слабые места?

Следует понаблюдать и разобраться.



Х. Роман. Город

Впервые за долгое время я сумел выспаться. Просто погрузиться в упоительную темноту без сновидений и воспоминаний. На улице уже светало, когда я заставил себя открыть глаза. Дел предстояло немало, а значит, нельзя было разлеживаться.

Днем в городском музее должна наконец объявиться смотрительница. Там же на втором этаже располагалась библиотека. Аня вполне могла хотя бы раз появиться там по приезду.

Кроме того, хорошо было бы успеть заглянуть в администрацию. Там тоже имелись архивы, которые могли представлять интерес. И для меня в том числе.

Лика уже суетилась на кухне. Будто и не уходила вчера. Она расставила на столе несколько тарелок, в которые выкладывала сырники. На плите доходила овсянка. Выглядело неплохо, только вот грязной посуды Лика наплотила куда больше положенного.

— Привет! — Я выбрал стул у окна. — Какие планы на день?

— Ох! — Она вздрогнула и недовольно обернулась ко мне. — Вот ты снова так делаешь! Просила же не подкрадываться!

— И не думал. — Я заглянул в пустую чашку перед собой. — Ты просто снова витаешь где-то. Есть кофе?

— Да. Я тут даже турку нашла. Ну или что-то вроде нее. — Она потянулась к шкафчику. — Сейчас попробую сварить.

— А умеешь? — с подозрением уточнил я.

— В теории, — призналась Лика. — Много раз видела, как мама его готовит. Вроде ничего сложного.

— Ну-ну. Посмотрим, что у тебя получится. — Я положил себе каши и стал наблюдать. — Только не спускай с него глаз! Так какие у тебя планы на день?

— Планировала завести Костю в больницу, чтобы с мамой посидел. Потом загляну в «Маяк», попробую пообщаться с хозяйкой. Думаю поспрашивать у нее о семье отца.

Лика насыпала в маленький медный ковшик две ложки молотого кофе, залила водой и принялась ждать. Правда, на слишком уж большой огонь она его поставила, но я решил не вмешиваться и понаблюдать.

— К слову, неужели сюда подведен газопровод? — Мне самому как-то не пришло в голову спросить об этом у хозяина вчера. Видимо, совсем не в себе был от усталости.

— Нет, за той вот панелью баллон стоит, — ответила Лика. — У нас такой был, когда за городом жили. Отец периодически ездил его заправлять.

Из ковшика вдруг показалась целая шапка бурых пузырьков. На короткий миг в глазах девушки промелькнула паника, но она тут же собралась и успела подхватить обмотанную прихваткой ручку, пока кофе не выкипел.

— Неплохо, — одобрил я и передал Лике чашку. — Как насчет сходить в «Маяк» вместе? А потом можно дойти до музея. Но ты уверена, что мальчик не захочет идти к Карине с вместе тобой?

— Не захочет, — ответил за нее Костя, незаметно проскользнувший на кухню. — Лика точно уже устала от больничных стен, хоть сама никогда и не признается. А я вполне могу Карине Александровне книги почитать. Как раньше она мне читала.

— На самом деле мне неудобно оставлять тебя там одного, — вздохнула девушка. — Ради нее я осталась в городе. А все эти поиски «отцовских мест» она не одобряла.

— В этом нет ничего плохого. — Костя покачал головой. — И мне точно не будет скучно. Ты вообще хоть раз за то время, что провела в городе, занималась тем, что тебе интересно?

Мальчишка, не дожидаясь ответа, сел за стол как можно дальше от меня и принялся за еду.

— Согласен. Произошли по-настоящему страшные вещи, и их последствия еще преследуют нас всех, но если ты не будешь делать хоть что-то для себя, то растворишься в бессмысленных переживаниях. — В награду я положил мальчишке на тарелку еще один слегка подогретый сырник. — Совершенно нормально, что тебе хочется больше узнать о родных.

От Кости, пожалуй, был прок. Он один мог ладить с этой гиперответственной упрямницей. Не так уж и плохо, что с Кариной может посидеть еще кто-то. Лике ведь будет куда проще, чем мне, разговаривать некоторых местных.

— Тогда мы проводим тебя и отправимся по делам, — заключил я.

Лика только кивнула и наконец села завтракать с нами. Они с Костей принялись беседовать в своем углу, обсуждая, что захватить к Карине. Вслушиваться желания не возникало.

Меня больше интересовал вопрос о том, где еще можно поспрашивать об Ане. Возможно, та медсестра знала, где еще могли сдавать жилье на короткий срок? И хорошо бы еще удалось найти новые документы из администрации Старого города. Но горе-ученых отыскать все же было важнее.

Самые очевидные места я проверил еще осенью. Думал даже, что эти физики-мистификаторы уже вернулись в Петербург отчеты писать, но и там не смог их найти. Если бы появилась хоть какая-то возможность связаться с ней...

— Рома? — Судя по выражению лица, Лика звала меня не в первый раз.

— Что?

— Если закончил есть, давай начнем собираться.

Девушка уже почти все убрала со стола, а Костя шуршал верхней одеждой в прихожей.

Мы вышли на улицу и побрели вдоль сугробов. Дома вокруг разительно отличались от того, где расположились мы. Изредка среди серых двухэтажных панельных сооружений встречались по-настоящему старые и интересные здания. Последних становилось все больше по мере приближения к озеру.

Оно уже виднелось в конце уходящей вниз дороги, темнея редкими полыньями среди белоснежного льда. Хотелось спуститься на берег и немного постоять там, но на сегодня хватало других планов.

Мальчишка бодро поздоровался с проходившими мимо работниками больницы и скрылся из виду. Мы же с Ликой решили пройти до центра города пешком. Нам обоим не мешало проветрить голову и совершить пару важных звонков, учитывая, что связи в квартире так и не было.

В кафе мы вошли порядочно запыхавшиеся. Сквозь клетчатые шторы падал рассеянный свет. Сладко пахло цветами и моющим средством.

Нина, как раз протиравшая в тот момент столики, обернулась на звон колокольчика. Глубоко посаженные ореховые глаза показались совсем черными.

— Еще не уехали, значит? — спросила она недовольно и оправила белоснежный фартук.

— Я не могу пока уехать. Куда я без мамы? — ответила ей Лика и подошла ближе. — Можно сегодня немного вас о Старом городе поспрашивать?

— Ну что вы все за Вермой-то гоняетесь? Когда наконец научитесь оставлять прошлое в прошлом?! — Нина шлепнула мокрой салфеткой по столу.

— Вас часто о нем спрашивают? — не выдержал я.

— Да постоянно кто-то пытается, — ответила она, вернувшись к своему занятию. — Плавают над ним, тревожат. Чего вы знать-то хотите?

Я жестом попросил Лику немного помолчать. Возможно, следует начать издалека и не выказывать личного интереса? Так женщину должно получиться немного разговорить, без лишних упреков и нравоучений.

— Много ли домов успели перенести из Вермы в Чернозерск? — вопрос должен был прозвучать достаточно нейтрально.

— Полностью перенесли разве что это кафе и то здание, где сейчас музей с библиотекой. Частично, пожалуй, здесь оказались те, что вы видели на площади и центральной улице. Два жилых дома еще восстановили, но никто так и не смог в них нормально жить, — ответила она.

— В одном из них живем мы, — заметила Лика.

— Неужели у Аркадия поселились? — Нина впервые оторвалась от работы. — Нехороший это дом, в гостинице бы и то лучше было. Хотя дело ваше.

— Что же в нем нехорошего?

— Это уже пускай вам Аркаша рассказывает, не мое дело, — категорично заявила Нина, переходя к следующему столику. — Только будьте внимательны. В таких местах прошлое не любит уходить. Хотя до Дома на болоте ему, конечно, далеко.

— Этот тот единственный особняк, что не затопило? — понял я. — Давно хотел посетить его, но добираться жутко неудобно... и, насколько я читал, он нежилой теперь.

— Почти, — кивнула женщина. — Может чаю хотите? У меня сегодня неплохие ватрушки вышли.

— С удовольствием, — воодушевилась Лика. — Мне вот сегодня с сырниками совсем справиться не удалось. Хорошо хоть у вас нормально поесть можем, а то ведь голодом всех уморю.

— Да не расстраивайся. — Нина сразу как-то подобрела и указала, куда нам присесть. — Там с творогом еще угадать нужно. Вот опыта наберешься и станешь настоящей мастерицей!

— Спасибо! — смутилась Лика.

— Я еще в тот раз сказать тебе хотела: жаль очень твою маму, — вздохнула женщина. — И тебя жаль. В наших местах уже давно черт-те что творится. Народ привык, вот и зачерствели совсем. Но ты-то не отсюда. Не думай, что всем вокруг нет до других никакого дела. Мне вот есть. Можешь заходить сюда время от времени, я тебя готовить научу как следует. А там, глядишь, и матушка твоя поправится.

Ход их беседы меня вполне устраивал. Чего-то подобного и следовало ожидать. А уж когда Лика упомянет отца, сможет спрашивать о чем угодно. Все же было отличным решением отправиться вместе с ней.

— Скажите, пожалуйста, — прервал я их милый разговор, — а к вам не заходила осенью группа молодых людей, приехавших изучать озеро? С ними была черноволосая девушка с родинкой на переносице.

— Ну уж родинку я не запоминала! — проворчала Нина. — Но несколько молодых людей заходили пару раз в сентябре, кажется. Человек пять. Смешливые такие. Но недолго они тут пробыли.

— Не знаете, куда они собирались? — Я буквально услышал, как участилось биение сердца.

— Думаешь, я всех тут расспрашиваю? До октября в городе бывает довольно оживленно, это с первыми холодами жизнь замирает. — Она задумчиво пожевала губу и снова повернулась к Лике: — Откуда у тебя эти часики, девочка моя?

— Меня зовут Лика, — она вытянула руку чуть вперед, чтобы можно было лучше разглядеть, — а часы мне отец на десять лет подарил.

Я впервые обратил внимание на ее левое запястье. Его обхватывал тонкий кожаный ремешок. Неяркий золотистый корпус прикрывало весьма примечательное стеклышко. Оно напоминало прозрачный ледяной цветок с широкими лепестками и круглым центром. И как я сам их не замечал?

— Твой отец отсюда? — настороженно уточнила Нина.

— Был отсюда. — Лика сжала губы, прежде чем продолжить. — Он иногда рассказывал мне о том, как его родители жили в Верме. А недавно я нашла его картины с видами озера и захотела приехать, чтобы увидеть все своими глазами.

— А звали его...?

— Дмитрий Тихонов, — с едва заметным трепетом произнесла Лика.

— Тихонов, значит, — протянула хозяйка кафе. — Вот как. Ну да, часики-то точно не случайно на тебе оказались. Видишь ли, мастер, который их сделал, сам до последних дней в Старом городе прожил. Талантливейший был мужчина. Даже градоначальник полгода ждал возможности сделать у него заказ, хотя и близким другом слыл.

— Уверены, что на Лике его работа? — Я порядочно удивился. О часовщике мне уже доводилось читать.

— А как же, — мой вопрос явно позабавил Нину. — Мастер использовал для часов только те материалы, что добывались в городе и его окрестностях. Особенно вот эти очаровательные кварцевые стеклышки. Еще моя матушка о таких вот мечтала.

Чего и следовало ожидать! Теперь получится хоть что-то разузнать. Жаль только, что про экспедицию ничего так и не прояснилось, но оставалась надежда на сотрудницу музея. Хоть Лика сможет получить то, за чем изначально собиралась в Чернозерск.

— Видела картины твоего папы. Их раньше даже на открытках для сувенирного магазина печатали, — продолжила хозяйка кафе. — Его родители, к сожалению, тяжело пережили потерю прежнего дома. Многим затопление города перевернуло жизнь. Другие увидели в этом шаг в будущее. Я поищу фотографии, может смогу тебе родных показать. А сейчас, извините, работать нужно.

— Огромное вам спасибо! — обрадовалась Лика. — Я обязательно к вам еще загляну.

Нам оставалось только укутаться потеплее и отправиться дальше. Музей располагался на противоположном конце площади, так что идти предстояло недолго. Его тоже довольно сложно оказалось с чем-либо спутать. Не помню, чтобы видел в городе еще хотя бы одно здание с колоннами.

Внутреннее убранство выглядело еще богаче: всюду бронза и красное дерево. И не подумаешь, что попал не на столичную выставку. Об экспонатах явно заботились и оберегали. На защитных стеклах не лежало ни пылинки, а монеты разных форм и размеров блестели в искусственном свете.

Мы прошли уже половину экспозиции, когда соизволила появиться смотрительница. Едва взглянув, я понял, что пользы от нее не дождешься. Женщина выглядела скорее как моток шерстяной пряжи, к которой по непостижимой причине приделал тонкие ножки. С бледного лица на меня с щенячьим восторгом смотрели широко посаженные глаза.

— Вы, должно быть, Роман! — радостно выдохнула она. — Я ждала вас! На втором этаже нашлось несколько коробок с записями секретариата и перевезенными документами всего за пару дней до затопления города. Вас, должно быть, интересуют именно такие.

— Добрый день, Оксана! — Я протянул руку. — Спасибо за помощь. Приятно удивлен вашим рвением.

— Ерунда! Мы же коллеги. — Женщина повернула голову и заметила стоящую позади меня Лику. — Ой, вы не один приехали?

— Здравствуйте, я — Лика. — Они обменялись натянутыми улыбками. — У меня тоже есть пара вопросов о Старом городе, вот я и присоединилась.

— Найду вам нужные книги, только запишите, что ищете, — сухо ответила Оксана. — Пройдете в библиотеку, я подготовила там место.

— Надо было тебе фамилию добавить, — шепнул я, следуя наверх, — может, она и прониклась бы.

— Не очень-то и хотелось, — буркнула Лика. — Сама найду то, что мне нужно.

До самого вечера мы просидели за документами. Лица села подальше и периодически едва слышно бормотала себе под нос. Я поспрашивал немного об Ане и ее спутниках и, не услышав ничего важного, собрал почти полную коробку старых газет, плохо сохранившихся отчетов и протоколов. В конце концов смотрительница устала нависать над нами и позволила забрать материалы домой.

Что ж, похоже, я нашел себе занятие как минимум на ближайшую неделю.



XI. Лика. Особенная ночь

Шел пятый день в новой квартире. Я уже дважды навестила хозяйку «Маяка». Странник часто появлялся из ниоткуда и сопровождал меня, слушая истории Нины. Иногда я озвучивала женщине его вопросы. Правда, рассказывала она о старом городе все так же неохотно. Чаще просто учила меня готовить те или иные блюда на свое усмотрение.

Поздним утром я отложила книгу и вышла на кухню. Кажется, Рома и Костя все же смогли до чего-то договориться. Теперь они молча пили кофе, глядя в разные стороны. Поначалу мальчик морщился при одном упоминании Ромы, но постепенно начал привыкать к его присутствию.

На плите закипал чайник, а в глубокой тарелке на столе еще оставались обжаренные в яйце кусочки батона. Стало как-то теплее на душе от этой уютной картины.

— Доброе утро! — Я налила себе чаю, села на свободный стул.

— Почти день, — буркнул Костя. — Я уже тосты приготовил.

— Даже съедобные, попробуй. — Рома оторвал взгляд от своих записей. — Может, не зря он остался. И заметь, парень даже не посещает никакие кулинарные мастер-классы.

— Костя и так отлично готовит! — Я попробовала тост. — Даже лучше меня.

— Кто угодно готовит лучше тебя, — пожал плечами Рома и утащил с тарелки последний кусок.

— Не слушай его. Какие планы на завтра? — загадочно спросил Костя.

— А что завтра? — не поняла я.

— Посмотри на календарь — станет ясно! — Рома кивнул на противоположную стену. — Сегодня тридцатое декабря.

Да быть того не может! Неужели завтра последний день этого кошмарного года? Даже не верилось.

Впервые за много лет я действительно забыла о празднике. Думаю, по лицу несложно было угадать ход моих мыслей. Скрипнул соседний стул, и на плечо вдруг легла тяжелая ладонь. Я подняла глаза на ставшего серьезнее Рому и постаралась улыбнуться. От его понимающего взгляда стало немного легче.

— Все нормально. Может, поищем украшения? — Рома махнул рукой куда-то вверх. — Здесь они точно должны быть, ручаюсь!

— Неплохая мысль! — Костин энтузиазм выглядел даже несколько чрезмерным. — Проводим год как следует, чтобы в новом все хорошо стало.

— Хорошо. Тогда давайте готовиться. Как насчет распределить дела? — Я еще больше растрепала мальчишке волосы. — Раз уж вы мне не доверяете, то кухня на тебе!

— Тогда я схожу по магазинам — раздобуду все необходимое, — засобирался Рома. — Изучайте пока содержимое шкафов.

Новогодние игрушки действительно нашлись в кладовке, и в огромном количестве: от бело-серебристых звезд, собранных из проволоки, и сверкающих шариков из трубочек стекла, до золотых початков кукурузы и пушистого зайца на прищепке.

Все это богатство искрилось на подушке из разноцветной мишуры в потемневшей и потертой коробке. Разбор находок занял у нас с Костей всю первую половину дня.

После мы решили выйти прогуляться по пустынному заснеженному городу. Парк разделял его на две неравные части, и наша оказалась почти безлюдной. У самой больницы находилась пара магазинов и закрытое кафе. Через дорогу из-за деревьев выглядывали школа-интернат и библиотека.

Мне захотелось позвонить Алине. Для нее конец года тоже выдался непростым. Девушка ответила почти сразу, но от предложения присоединиться к празднику отказалась. Ее ждали коллеги за городом. В Чернозерске оказалось принято собираться там большими коллективами на все праздники.

Костя убедил меня заглянуть к Нине. Та подготовила для нас целый пакет угощений и даже слушать не хотела моих вежливых отказов. Так мы и вернулись домой замерзшие, но повеселевшие.

Всех захлестнули мелкие хлопоты. Мы занялись уборкой в своих комнатах и детальным изучением квартиры. Пыли на шкафах и полках скопилось немерено.

За ужином я постаралась разговорить Рому, но он, как нарочно, быстро доел, пожелал доброй ночи и закрылся в комнате. Костя, сославшись на усталость, ушел следом.

Меня же посетил Странник. Я расположилась на мягком стуле у окна и махнула ему рукой. Впервые за долгое время нам представилась возможность спокойно поговорить.

— Удалось найти другие временные ловушки? — тихо спросила я.

— Появилась пара догадок, но показать тебе пока нечего. И я все не могу понять, как именно они работают. Кого мы видим внутри? — Он выглядел озадаченным и недовольным.

— Меня еще один момент интересует, — в тон ответила я. — Если предположить, что маму в таком состоянии держит петля, то получается, я столкнулась уже с двумя. Не слишком ли много для случайности?

— Мне тоже так кажется. И еще, похоже, в них попадают при крайне плохих обстоятельствах. Но какой в этом смысл, если пострадавшие уже пострадали, а погибших не вернуть?

— Не совсем так. Я же очнулась ровно после того, как смогла разорвать петлю...

— Это никак не объясняет причины их возникновения, — возразил он.

Мы ненадолго ушли в свои мысли, стараясь отыскать хоть что-то похожее на объяснение.

— Ты вспомнил что-нибудь о себе? — Я прервала молчание.

— Нет, — вздохнул он. — Иногда мне кажется, что я подхожу к той самой двери, за которой прячется мое прошлое, моя личность, но чем больше я стремлюсь ее открыть, тем сильнее она отдаляется. И так каждый раз.

— А ты спишь хоть иногда?

— Что-то вроде того. — Он рассеянно кивнул и поскреб подбородок. — Как бы объяснить... Это похоже не на сон, а скорее на то, что я оказался вдруг в совершенно в другом месте. Иногда я вижу сад, полный медово-оранжевых цветов, иногда пещеры или озеро. Мне слышатся далекие голоса.

— Хотела бы я помочь тебе вспомнить. — Мне было искренне жаль его. — Ты выручил меня в петле, а я совсем ничего не могу для тебя сделать. Вообще ни для кого не могу, если уж быть точной.

— Перестать нагонять на себя сожаления, иначе утонешь в них совсем, — предостерег он. — Ты уже помогаешь мне нашими беседами и своими походами в «Маяк». Благодаря им я узнаю обо всех этих «плохих» местах, где можно искать ответы.

Нина действительно предупреждала меня о «плохих местах», которых избегали жители. Они вообще вели себя, как мне казалось, крайне необычно, относясь к месту, в котором живут, не как к дому, а скорее как к опасному зверю, которого боятся потревожить.

Странник тут же отправлялся проверять разные пустыри, полузаброшенные здания или скверы. И после каждой такой вылазки наведывался к озеру.

— Мне тоже легче оттого, что я могу с тобой разговаривать, — признала я. — Костя, может, и поверит мне, если расскажу о том, что пережила, но вот Рома ни за что. Он верит только в то, что может увидеть и перепроверить.

— Я так понял, он ищет здесь свою девушку? — поинтересовался Странник.

— Насколько я знаю, да. Он не очень охотно делится личной жизнью. Аня — девушка своенравная. Слышал бы ты их перепалки в коридорах! Похоже, в этот раз она сбежала от Ромы в Чернозерск с экспедицией.

— Интересные вещи она изучала, кстати. Тебе бы у Романа поинтересоваться. Может, зря ты думаешь, что он не поверит во временные петли.

— О чем ты? — Мне стало не по себе.

— Я видел парочку статей некой Анны Строгановой в его комнате. Там говорилось про нечто, что она называла «Хаон». У меня не было возможности толком прочесть, но писала девушка про возможные искажения времени вблизи этого явления. Некой аномалии на дне озера.

— Ого! — Я прошлась по комнате и опустилась на край кровати. — Надо же. Похоже, они оба всерьез интересовались городом. Довольно странная история получается.

— А я тебе о чем говорил! — хмыкнул Странник. — Ладно, ложись спать. Попробую еще что-нибудь разузнать.

На следующий день мы с Костей поставили елку. Во всей квартире запахло смолой и свежестью. Пару веток я с раннего утра отнесла в больницу и украсила мамину палату. Еще несколько мы поставили в комнаты.

Затем Костя отправился на кухню, планируя приготовить на ужин несколько блюд из найденной им кулинарной книги за 1956 год. Рома пришел от этой идеи в восторг. Сам он занимался необходимыми покупками. На меня оставили украшение квартиры.

У одного из шкафов табуретка, с помощью которой я добиралась до антресолей, сильно качнулась. В груди екнуло, и сердце на секунду замерло. В последний момент пальцы нашли шершавый край дверцы. Равновесие удалось удержать, но шкаф качнулся, и на голову посыпались виниловые пластинки.

— Осторожнее! — Странник мгновенно оказался рядом, но помочь ничем не мог.

Он с досадой взглянул на свои руки и раздраженно вздохнул.

— Стараюсь! Так, нужно сделать перерыв, пока не навернулась. — Я села прямо на пол и стала перебирать свалившиеся пластинки. — Надо же! Давно таких не видела.

— Не нужно табурет на край ковра ставить, старается она! — проворчал он и глянул на образовавшийся на полу завал. — У тебя дома таких не было?

— Не-а. — Я улыбнулась. — Мои считали, что пластинки давно устарели, а я не большой фанат музыки. У родителей отца была коллекция пластинок. Он перевез ее к себе, когда мы еще жили в частном доме, и иногда ставил мне на проигрывателе старые песни. Потом я пошла в школу, и пришлось переехать в город.

— Скучаешь по нему?

— Станный вопрос. — Я принялась стирать пыль с обложек. — Конечно скучаю. Мы проводили все свободное время вместе. Папа учил меня рисовать, видеть перспективу и разбираться в теории цвета. А мама всегда сидела где-то рядом и читала. Я и не понимала, насколько мы были счастливы.

— Ты говорила про родителей отца, — напомнил странник. Похоже, ему было любопытно.

— Да, про бабушку с дедушкой я только из папиных рассказов знаю. Они были частью тех историй, что я слушала перед сном. Он любил говорить о том месте, где жила его семья и которое он сам так и не увидел. — Я стала складывать пластинки в шкаф и продолжила: — Папа родился через полгода после затопления города. Он прожил в Чернозерске до семнадцати лет, а потом поступил в Мухинское училище и переехал.

Мне на удивление нравилось говорить со Странником о том, что не рассказывала другим. Я взглянула за его плечо и охнула. Стрелки настенных часов указывали на половину десятого. Как же быстро пролетело время!

— Иди. — Странник направился в коридор. — Нужно проводить этот год.

Я вышла в коридор, с двух сторон освещенный разноцветными лампочками гирлянд. На кухне горели толстые восковые свечи. От желтого света их дрожащих огоньков по стенам плясали причудливые тени. В хрустальных бокалах и салатницах искрились мелкие блики.

Мы втроем сели за накрытый стол. В этот раз праздник не казался привычным, но все же оставался важной границей, отделяющей прошлое от настоящего. Чужой город, чужой дом, незнакомые обстоятельства.

Странник возник из-за стены и устроился у окна, делая вид, что глядит в окно, а не на наши отражения. По напряженно поднятым плечам и твердой позе было понятно, насколько некомфортно ему было, но даже так куда лучше, чем одному. Отчасти я разделяла эти чувства.

— Послушайте, — Рома прервал молчание, — пусть сейчас праздник и кажется совсем неуместным, но поверьте, он нужен. Так появляется хотя бы небольшое яркое пятно в беспроектной серости.

— Откуда вам-то знать, — буркнул Костя. — Говорили, что мы не в школе, а сами продолжаете поучать.

— Я не поучаю. Просто делюсь опытом. — Рома потер ладонью щеку, словно размышляя, стоит ли продолжать тему. — Мои родители умерли, когда я был даже младше тебя. Так бывает. Меня растил дед, который как раз и заставлял меня проживать каждый день полноценно от начала и до конца, чтобы не сожалеть об упущенных возможностях. Повзрослев, я понял, насколько старик был прав.

— А если не получается? Если хочется просто перемотать время на тот момент, когда все станет хорошо, а в груди перестанет болеть? — Губы Костика дрожали.

Я потянулась к нему, и даже Странник зачем-то приблизился, но Рома выставил ладонь. Его лицо ничуть не изменилось, сохраняя спокойное выражение.

— Значит, нужно учиться терпению, — ответил он. — Ты уже пережил самое сложное из того, с чем мог столкнуться. Ты уже победил. Если же вместо того, чтобы двигаться дальше и бороться, ты начнешь сидеть и жалеть себя, просто застрянешь на месте.

— И что, вы сразу стали двигаться дальше и бороться? — Костя поднял хмурый взгляд.

— Нет. Я отказывался есть и выходить из комнаты. Не понимал, почему дед отказывался жалеть меня, ведь все остальные жалеют. Думал даже, что ненавижу его. — Рома горько усмехнулся. — Потом понял, что чужая жалость делает только слабее.

— И как же ты понял, что дедушка прав? — спросила я.

— Дома прорвало трубу. Иногда мне даже кажется, что не совсем случайно. — Рома сделал глоток шампанского. — Так вот, залило весь пол. Повезло, что мы жили на первом этаже. Несколько дней мы спасали вещи и обувь, сушили ковры и вычерпывали воду в окно. Уже на второй день я снова начал разговаривать, а на третий смеяться, когда удавалось что-то спасти и высушить. После этого все снова стало нормально.

— Я понял, о чем вы. — Костя робко потянул руку к бутерброду с икрой. — Только не нужно устраивать потоп.

— Я подумаю, — ответил Рома.

После этого разговора атмосфера неуловимо изменилась. Я принесла из комнаты пластинку и проигрыватель. Заиграла медленная нежная музыка. За окном мирно валил снег, и стало наконец казаться, что все не так уж и плохо.

Наверное, нормально, что в такой день мы все думали и говорили о семье. И даже Рома решился немного открыться. Хотелось только, чтобы и Странник сумел что-нибудь вспомнить.

Затем Рома сделал музыку чуть громче, подошел и галантно протянул руку. Не могу сказать с полной уверенностью, почему решила согласиться. Возможно, атмосфера и свет делали всех нас ближе.

Так что я вложила ладонь в его руку и согласилась на танец. В груди странно щемило от ощущения тепла чужого тела. Я боялась ошибиться, неверно ступить или просто поднять глаза. Мне когда-то нравилось танцевать, ведь папа никогда не упускал такой возможности и при любом удобном случае приглашал меня или маму.

Рома держал дистанцию и двигался медленно, почти не сходя с места. От этого танец даже не казался неловким. Почти. Резкое движение заставило меня ойкнуть. Рома легко закружил меня и, смеясь, отпустил.

— Нечего зевать! — пожал он плечами.

Стоило песне закончиться, и я протянула руку Косте. Он глянул на меня насмешливо, будто спрашивая, не издеваюсь ли я.

— Да ладно тебе, давай потанцуем! Представь, что мы здесь одни в целом мире, а вокруг только холод и метель.

— То есть мы так греемся? — Костя повозился с проигрывателем, поставил более бодрую песню. — Ладно. Исключительно ради выживания.

Мы смеялись и болтали, стараясь забыть обо всем. А за окном все сильнее и сильнее валил снег.



XII. Лика. Решимость

Меня разбудил громкий шепот. Я села на кровати, выглянула в окно: там еще сильнее мело, скрывая следы, дорогу и любые признаки существования людей. Давящее серое небо не позволяло точно угадать время.

В последние дни город накрыла настоящая буря. Никогда раньше мне не приходилось видеть ничего подобного. Временами снег летел горизонтально по нескольку часов, сгибая деревья и поднимая в воздух все, что не прибито.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.